

Десять ПИСЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИЯ АСТРУМ

18+

Лия Аструм
Десять писем

«Автор»

2023

Аструм Л.

Десять писем / Л. Аструм — «Автор», 2023

Пять лет назад мой сводный брат запер меня в наркологической клинике, где я в одиночестве проживала свои самые худшие дни. За эти годы я встала на ноги и вернулась в родной Нью-Йорк с одной-единственной целью — начать новую жизнь, покончив с призраками прошлого. Но высокомерие Алекса не знает границ, и он пытается установить полный контроль над моей жизнью, чтобы мое прошлое не посадило черную кляксу на их безупречном холсте аристократичной семьи. Я отчаянно сопротивляюсь, но с каждым разом мне становится все сложнее противостоять ему, потому что этот жесткий взгляд холодных глаз воскрешает во мне давно забытые чувства, и мне все сильнее хочется рассказать ему правду. Но поверит ли он той, которую ненавидел большую часть своей жизни?

© Аструм Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	7
Глава 2.	16
Глава 3.	27
Глава 4.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лия Аструм

Десять писем

Пролог.

Пять лет назад. Клиника Les Alpes. Швейцария.

Я умирала.

Каждую мышцу, каждый сустав мучительно скручивало, заставляя меня до онемения пальцев сжимать края ночной рубашки, насквозь пропитанной холодным потом. Нескончаемая боль держала меня в тисках, словно мне кололи её внутривенно, и она расплзалась ядовитой змеей, отравляя каждую клетку моего измученного тела. Она питалась моими страданиями, и мне хотелось вспороть себе грудь, чтобы вытащить наружу и обезглавить мерзкую тварь, безжалостно сводящую меня с ума.

Я потерялась в днях. Сколько я здесь? Неделью? Месяц?

Ещё минуту назад я истерически рыдала. А сейчас я терпеливо лежала на кровати, слизывая языком засохшие дорожки слёз, и даже не пыталась уклониться от солнечного луча, пробивающегося сквозь прозрачный тюль и болезненно вонзающегося в мой воспалённый зрачок. Во рту пересохло, а в глотку будто насыпали битого стекла.

Пить. Мне безумно хотелось пить.

С трудом поднявшись с кровати, я на подрагивающих ногах подошла к тумбе, на которой так маняще стоял графин с прохладной водой. Не удосужившись взять стакан, я поднесла стеклянную ёмкость к губам и сделала несколько жадных глотков. Чувство облегчения не пришло, и я, прикрыв глаза, вылила остатки воды себе на голову. Освежающие струи поползли по лицу и, скрывшись за воротом рубашки, извилисто потекли по спине и груди, опадая мелкими каплями на холодный пол. Мне стало жарко и, приложив руку ко лбу, я ощутила на обжигающе горячей коже ледяное прикосновение влажной ладони.

Я судорожно дышала, и очередной вдох застрял в горле вязким комом. Они снова были здесь. Тёмные,двигающиеся в жутком танце тени появлялись лишь в моменты полного отчаяния и преследовали меня до самого конца. Они насыщали мой распалённый мозг суицидальными мыслями, и я всячески пыталась не дать им себя уничтожить.

– Вы не существуете, – еле слышно шептала я, нервно расхаживая из стороны в сторону. – Не существуете. Это всё нереально.

Пытаясь унять чувство тревоги, я не могла найти себе место и дрожащими руками непрерывно блуждала вдоль собственного тела. Остервенело растягивала ворот рубашки, теребила пуговицы и грызла ногти, иногда до боли прикусывая огрубевшую кожу пальцев.

В фокус моего зрения попало висящее над комодом овальное зеркало в деревянной раме. Я подошла к нему и, склонив голову вбок, тщательно принялась рассматривать собственное отражение. Глубокие глазницы на худом лице напоминали бездонные кратеры, выжженные безжизненной пустыней. А злая усмешка, резко появившаяся на потрескавшихся губах, исказила до неузнаваемости знакомые черты в прошлом красивого лица.

Этой девушкой с тусклым взглядом, спутанными волосами и жутко выпирающими ключицами не могла быть я. Кончиками пальцев я неверяще дотронулась до бледной впалой щеки и провела вдоль режущей скулы, отмечая болезненно-серый цвет лица. Острые края поломанных ногтей неприятно оцарапали кожу.

Они бросили меня. Оставили здесь совсем одну.

Голодная мерзкая тварь свернулась плотным кольцом в грудной клетке и, широко разинув пасть, требовала ужин. Мутный коктейль, напоминающий грязную лужу из боли, одиночества и гнева запузырился и, отдаваясь клокочущими звуками где-то в глотке, в сбивающемся ритме вырвался наружу.

Я закричала.

Мой раздирающий душу вопль разрезал пространство комнаты и, отскочив от стен, вместе с кулаком врезался в зеркало. Острая боль пронзила всю мою правую руку, а холодный глянец растрескался и, исказив уродливую картинку, осыпался кривыми треугольниками. Зловещий ритм теней был остановлен, и они, забившись в угол, не смели больше продолжать свою леденящую душу пляску.

Дверь резко распахнулась, и двое мужчин в синих медицинских костюмах вошли ко мне в комнату. Беглым взглядом оценив обстановку, один из них сделал осторожный шаг ко мне.

– Мисс, прошу, отдайте мне стекло, – он медленно протянул руку вперёд.

Я не совсем понимала, о чем речь. Проследив за его взглядом, я удивлённо уставилась на окровавленный осколок в моей руке. Вдоль запястья тянулся кривой порез, из которого тонкой струйкой стекала кровь, образуя красочно-причудливый узор на светлом мраморе.

– Мисс, – настойчиво повторил он, снова привлекая моё внимание. – Мы вам поможем.

– Я умираю, – всхлипнула я, утирая новые дорожки едких слёз и сильнее сжала острые нервные края.

– Это не так, – мягко произнёс он, делая еле заметный шаг в мою сторону. – Это ломка, от неё никто не умирает. По крайней мере, не здесь, – он тепло улыбнулся. – Прошу вас, отдайте мне осколок, мы вам поможем. Обещаю.

Его бархатный тембр гипнотизировал меня, и я недоверчиво смотрела в его добрые глаза, судорожно покусывая нижнюю губу. Мне хотелось ему верить. Но, кажется, его звали Джон, и ещё вчера он крепко держал меня своими огромными руками, пока мне насильно протыкали вены.

– Мисс, – позвал меня второй мужчина, и я по инерции повернула голову. В следующее же мгновение Джон резким движением выбил осколок из моей руки и, схватив за плечи, повалил на кровать, крепко удерживая за запястья. Я начала яростно отбиваться и истошно орать, но против навалившегося сверху тяжёлого мужского тела у меня не было ни единого шанса.

– Скорее, – торопил он второго, параллельно уворачиваясь от моего колена и придавливая его своим бедром.

Второй мужчина, имени которого я не знала или не помнила, набрал лекарство в шприц и, отбросив пустую ампулу в сторону, приблизился ко мне, велев Джону зафиксировать руку. Тонкая игла легко вошла в плоть, наградив меня мимолётной болью, и вмиг поплывшее сознание безуспешно пыталось ухватиться за быстро отдаляющуюся реальность. Стремительно приближающаяся чернота наградила моё тело парализующим спокойствием, и на грани падения в темноту я думала лишь о том, что не хочу... не хочу больше жить.

Глава 1.

Настоящее время. Нью-Йорк.

Если мои обонятельные рецепторы не дали сбой, то именно запах натуральной кожи с примесью табака, кофе и, возможно, капель цитруса заполнял сейчас салон чёрного тонированного внедорожника, в который я села пятнадцать минут назад. Я вдохнула ещё раз. Наверное, так пахнет роскошь. Хотя, если бы меня спросили, чем пахнет роскошь, я бы вмиг представила запах свежей древесины с добавлением алкогольных нот выдержанного шотландского виски и кусочками горького шоколада, а запах свежих орхидей добавил бы нотку изысканности к моему пессимистичному аромату. К счастью, я не претендовала на звание лучшего парфюмера года, а виски всё же хотелось бы заменить на коньяк. Не стоит добавлять его любимый напиток в мой роскошный букет.

Вытянув ноги вперёд, я поудобнее устроилась в прохладном кожаном кресле. Восьмичасовой перелёт из Лондона утомил меня. Я испытывала лёгкую тошноту, и мне проще было списать это на бортовую кухню, чем признаться самой себе, что я волнуюсь из-за предстоящей встречи.

Пять лет – долгий срок. Настолько долгий, что стоило уже давно отпустить и забыть. Но я не могу. Пока не могу.

Лучи июльского солнца Нью-Йорка не проникали сквозь тонированное стекло автомобиля, и я сняла очки, чтобы без дополнительных помех рассмотреть красоту Ист-Ривер. Интересно, насколько правдива американская легенда о затонувшем британском фрегате. Если история достоверна, то на дне этого пролива сейчас лежали несметные богатства стоимостью около полумиллиарда долларов США. Неудивительно, что ничего не нашли. Или нашли, но тщательно скрыли данный факт.

По этой дороге я ездила миллионы раз, но сейчас узнавание не радовало меня, а только вдрызг разбивало мои надежды на то, что старый дом продан. Я бы хотела жить в городе, но кто я такая, чтобы мои желания его хоть немного волновали.

Наш единственный диалог за пять лет занял всего одну минуту четырнадцать секунд. Столько времени понадобилось ему, чтобы кардинально перевернуть мою жизнь. В ультимативной форме он заявил, что я должна вернуться в самое ближайшее время. Когда финансовые угрозы не подействовали, он сказал, что ему плевать, каким образом я выполню его приказ, но если вариант с мешком на голове привлекает меня гораздо больше, то он исполнит моё желание. Хотя я и не была против возвращения. Мне просто хотелось показать, что я не его дрессированная собака, готовая выполнить любой приказ хозяина по щелчку пальцев. Но его последний аргумент был весьма убедительным.

Машина остановилась на светофоре, и я перевела взгляд на сидящего за рулём мужчину. Рик. Если бы я не знала его лично, то подумала бы, что этот крепкий мужчина средних лет скорее всего телохранитель с военным прошлым. Я не знала, какую именно должность он сейчас занимал. Но когда-то в прошлой жизни он возил меня по всем моим важным делам, настолько важным, насколько они могут быть у одиннадцатилетнего подростка: школа, курсы французского языка и танцы. Позже, когда я пошла в старшую школу, и в его услугах перестали нуждаться, отчим не захотел его отпускать и дал ему другую должность. Поэтому я была приятно удивлена, что меня встретил именно он. Но даже с ним, с человеком, с которым у меня никогда не было никаких проблем, мне не хотелось разговаривать. Я могла бы спросить, как его жена и дочь, но я молчала.

С годами я стала меньше проявлять инициативы в общении. К моей собственной радости эта появившаяся во мне черта не сделала из меня отшельницу. У меня есть хорошие знакомые, которые остались в Лондоне. Я уже по ним скучала. Особенно по Лекси. Возможно, у неё получится выкроить пару дней из своего плотного графика и прилететь ко мне в Нью-Йорк. Но какая бы замечательная не была Лекси, по-настоящему близкий человек у меня был всего один.

Я снова перевела взгляд в окно. Гринвич. Один из самых богатых пригородов Нью-Йорка, репутация которого зависит лишь от количества нулей на банковском счёте. Сложно сказать, сколько здесь замков и дворцов. Богатеи не привыкли сорить деньгами, но огромный дом – вопрос престижа. Этим чванливым толстосумам важно показать, насколько золотее их унитаз.

Металлические ворота бесшумно открылись, пропуская нас на территорию прибрежного поместья с многовековой историей. Будь сейчас на дворе средневековье, размеры владения могли бы поразить своей масштабностью даже английских герцогов и герцогинь. Оно досталось моему отчиму по наследству от деда и не единожды реставрировалось.

Когда машина остановилась перед парадными дверями, я, ни секунды не размышляя, выбралась на свежий воздух. Рассматривая такой до боли родной и одновременно чужой особняк, поражающий своим размахом и напоминающий самый настоящий Шёнбрунн, я подумала, что престиж – это ещё и стиль, которым явно пренебрегли в данном конкретном случае.

Итальянский шик XVII века. Звучало претенциозно, но на самом деле, итальянская знать лишь хотела укрепить своё влияние за счёт поддержания богатства и роскоши, считая стиль барокко символом силы. Поэтому роскошь напоказ, вычурность и максимальная помпезность, чтобы не дай бог подумать окружающим, что ты стал на цент беднее – полностью соответствовали личному предпочтению моего отчима.

Я ненавидела этот дом.

Единственное, что восхищало меня на этой огромной территории с бассейном и теннисным кортом – это стометровая береговая линия, где я любила в абсолютной тишине почитать книгу и полюбоваться видом на пролив Лонг-Айленд.

Вслед за Риком, катившим два моих неподъёмных чемодана, я прошла через большой холл, выполненный в светло-бежевых с золотистыми вкраплениями тонах и поднялась по широкой лестнице, украшенной черными витиеватыми узорами, настолько широкой, что складывалось ощущение, что я золушка из сказки, а в конце пути меня ждёт принц с туфелькой. Кстати, о принцах.

– Где Алекс?

Рик, опустив чемодан, посмотрел на часы.

– Думаю, через пару часов будет.

Ещё два часа, чтобы собраться с мыслями. Я готовилась будто на плаху.

– Отнесите, пожалуйста, мои вещи в комнату, – попросила я, и, развернувшись, направилась совсем в противоположную сторону.

Я хотела увидеть её.

Пройдя по коридору третьего этажа к самой дальней двери, я взялась за ручку, мысленно надеясь, что она не заперта, и морально готовясь окунуться в океан душевной боли. Но к этому невозможно подготовиться.

На первый взгляд всё стояло на своих местах, будто она была здесь всего пару часов назад. Но если приглядеться, можно заметить, что на полках нет наших с ней фотографий, мольберт отодвинут в самый дальний угол, а холст пожелтел от долгого отсутствия на нем ярких красок. Я не заходила сюда девять лет. Девять долгих лет. Но сквозь боль и тоску я чувствовала её присутствие каждой клеточкой своего тела. Разве это возможно?

Она обожала живопись и могла часами, закрывшись в своей студии, рисовать с одной чашкой травяного чая, который постоянно остывал, а я заботливо приносила ей свежесварен-

ный. Её картин можно насчитать штук двадцать. И я не сильно разбиралась в живописи, но каждую из них считала по-своему уникальной. Но я здесь не ради искусства.

На одной из стен, завешанной плотной тканью, висело то, ради чего я здесь. Я медленно стянула эту ненужную тряпку, закрывающую обзор на самое дорогое моему сердцу творение. Её портрет. В груди стало до боли тесно, к горлу подступил ком, который я была не в силах проглотить, а глаза наполнились слезами, пока я смотрела в лицо той, за жизнь которой я отдала бы все богатства мира.

Мария Изабель Браун.

Дрожащими пальцами я нежно коснулась рукой холста и медленно повела по её длинным выющим локонам. Художник, безусловно, талантлив. Он нарисовал её настолько правдоподобно, что я видела живые искорки в весёлых зелёных глазах, а золотистые блики в её медного оттенка волосах переливались из-за проникающего в окно закатного солнца. Наверное, у меня галлюцинации, иначе как объяснить, что умершая много лет назад женщина сейчас смотрела на меня так, будто в любую секунду может сойти с этой чёртовой картины и крепко обнять меня, моментально исцеляя мой сломанный мир. Я смахнула рукой солёные капли, чтобы лучше рассмотреть каждую морщинку в уголках искрящихся весельем глаз и ласково провела по маленькой родинке над верхней губой.

Я бы многое хотела ей сказать. Попросить прощение за то, что столько лет не была на её могиле. За то, что... я не оправдала ожиданий. В глубине души мне бы хотелось объяснить причины, но, возможно, жизнь за гранью всё же существовала, и мои тайны давно раскрыты. Меня это пугало. Я бы не хотела, чтобы она видела то, что со мной произошло.

Почувствовав, что сдерживаться уже нет сил и что обычные слёзы вот-вот перерастут в самую настоящую истерику, я резко убрала руку от любимого лица и, отвернувшись, сделала несколько глубоких успокаивающих вдохов, чтобы взглянуть на неё ещё раз с улыбкой на губах, прежде чем я покину эту комнату и, вряд ли, вернусь сюда в ближайшее время. Я не плакала несколько лет. Слёзы, по моему мнению, – слабость. А сейчас не время для слабостей.

– Вы очень на неё похожи, – неожиданно раздавшийся женский голос заставил меня резко обернуться в сторону двери.

В паре метров от меня стояла женщина средних лет. Одета строго: белая рубашка и чёрная до колена юбка. Тёмные волосы убраны в аккуратный пучок. Её внешний вид наводил на мысль, что она работает в этом доме. На её губах играла доброжелательная улыбка, вполне искренняя, а в глазах было... понимание. Мне стала некомфортно, что меня застали в такой уязвимый момент.

– Да, наверное, – ответила я, поспешив накинуть ткань обратно на законное место.

– Меня зовут Глория, – представилась она. – Я управляющая. Если вы закончили, я могу проводить вас в вашу комнату, мисс Браун.

Столько официоза вполне в духе хозяина.

– Зовите меня Вивиан, – тепло улыбнувшись, сказала я.

Мы прошли по коридору, выполненному в тёмных тонах, на стенах которого висели незнакомые мне экстравагантные картины в шикарном обрамлении. Возможно, кто-то посчитал бы меня необразованной, но для меня искусство – не повод для раздумий, для меня искусство – это, прежде всего, выражение эмоций.

– Ваши вещи уже разобраны. Мистер Миллер распорядился накрыть сегодня ужин в двадцать один ноль-ноль и просил вас передать, чтобы вы не опаздывали. Поэтому, вы пока можете отдохнуть. Время ещё есть, – проинформировала она, открывая передо мной дверь и пропуская меня в комнату, в которой я прожила большую часть своей жизни.

Мои брови удивлённо поползли вверх. Здесь явно кто-то постарался. Тёплые кремовые оттенки, минимум мебели и огромная кровать в самом центре комнаты, на которую хотелось прыгнуть с разбега, будто мне пять. Отсутствие золота, фресок и чёрных роз. Я была безумно

рада этому неожиданному обновлению, поскольку от театральщины в этом доме воспалялись глазные яблоки.

Так как мои вещи ещё не были до конца разобраны, я попросила Глорию подготовить мне платье для ужина, а затем направилась в ванную комнату и, наполнив джакузи, погрузилась в обжигающе горячую воду с пеной с ароматом ванили. Меня до сих пор потряхивало от пережитых в той комнате чувств. Почему отчим её не закрыл? Он тоже до сих пор скорбит?

Задержав дыхание, я опустилась на самое дно белого камня, расслабляя мышцы тела и стараясь абстрагироваться от мыслей о предстоящем семейном ужине. Получалось плохо. Сложно признаться самой себе в собственном страхе. И страх ли это? Я так много работала над собой, так чего же я боюсь? У меня не было ответа. И это был первый обман.

Вынырнув на поверхность и жадно глотнув воздуха, я решила переключиться на более позитивную волну, чтобы даже самой малейшей эмоцией не показать, что творилось внутри. Они не поймут.

Обернувшись в белое пушистое полотенце, я нацепила патчи, хотя ни разу не видела от них должного эффекта и, напевая абсолютно не соответствующую моему настроению Easy On Me, вышла из ванны.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты отвратительно поёшь?

Лениво прислонившись к комоду, Алекс стоял возле окна и пристально смотрел мне прямо в глаза. Я растерялась. Я не ожидала, что он приедет так быстро, а я даже... Даже что? Не успею натянуть нижнее бельё? Почему-то эта мысль заставила моё тело покрыться мурашками.

Я наивно надеялась, что за пять лет моего отсутствия мой сводный брат превратится в жирного, лысеющего, беззубого мужика. Моё воображение услужливо подкидывало мне соответствующие образы. Так было бы проще, но я, очевидно, облажалась. Мысленно отмахиваясь от своих идиотских мыслей, я рассматривала его будто в первый раз.

Я видела много красивых мужчин, но он переплюнул их всех. Он никогда от меня не услышит, что его лицо я считаю совершенным. И дело не в правильных чертах лица. Совсем нет. Дело во взгляде. В пронзительных голубых глазах, притягивающих своим бесконечным холодом. Никто и никогда не смотрел на меня так, как он. Никто и никогда.

Это чувство сродни падению в арктическую глубину, когда каждый миллиметр твоей кожи захвачен властной стихией, и ты вынужден ей подчиниться, чтобы всплыть хоть на мгновение и вдохнуть такой желанный кислород. Я бы предпочла навсегда остаться там. И сейчас, стоя напротив него, я пыталась схватить ускользающую эмоцию, которую я пока боязливо определяла, как... влечение? Я с ужасом осознала, что ничего не прошло. Словно и не было этих лет.

Заметив его иронично приподнятые брови, свидетельствовавшие о том, что пауза затянулась, я почувствовала себя круглой душой. Боже, возьми себя в руки.

– Знаешь, обычно люди мне не врут, – с энтузиазмом включаясь в заранее отведённую мне роль, ослепительно улыбнулась я.

Ещё секунду назад его пухлые губы теперь сжались в тонкую линию. Его нахмуренный взгляд скользнул по моему влажному после душа телу и вернулся к лицу.

– Видимо, ты плохо разбираешься в людях, – напряжённо ответил он.

Я вскинула брови.

– В некоторых отдельных личностях очень даже неплохо.

Он молчал.

Мельком окинув взглядом его слегка отросшие тёмно-русые волосы, я остановилась на чёрном рисунке, покрывающем левую руку, которого точно не было раньше. Мне захотелось увидеть его полностью. Насколько уместно будет попросить его снять футболку?

Оттолкнувшись от комода, он подошёл ближе ко мне и засунул руки в карманы джинс.

– Я надеюсь, жизнь на протяжении пяти лет вдали от семьи принесла свои плоды, и ты больше не будешь вести себя, как отбросы этого города, – голос сочился презрением, будто он каждую секунду своей жизни жалел, что семнадцать лет назад я переступила порог этого дома.

Больно. Но я очень старалась держать маску.

– Именно в нашем конкретном случае я безумно счастлива, что оказалась максимально, как только смогла, дальше от вас. Это время пролетело, как неделя в самом крутом SPA-салоне Нью-Йорка, – вложив в эту фразу всю силу своего сарказма, я невинно хлопала ресницами, пока мои внутренности переворачивались вверх дном.

Раньше наши словесные перепалки не пугали меня. Я знала, что он ничего мне не сделает. Но сейчас моя уверенность трещала по швам. Передо мной стоял всё тот же он, но только с какими-то дополнительными функциями. Если отместить, что он стал старше, а его взгляд холоднее, то, просканировав его в течение пары секунд, я поняла, в чём причина моих сомнений. Он меня подавлял. Его напряжённый взгляд исподлобья придавливал меня к полу, давая понять, что сейчас я для него не более чем надоедливый комар. Мне стало зябко, а в груди расплозлось чувство тревоги и... возбуждения? Я сумасшедшая.

Он расплылся в какой-то ненормальной улыбке и, отойдя к кровати, двумя пальцами подцепил лежащий на ней мой белый сарафан, который я планировала надеть на ужин. Он был достаточно скромного фасона и полной противоположностью тем откровенным вещам, что я носила раньше.

– Я рад, что обучение на дизайнера привило тебе немного вкуса, и ты перестала одеваться как шлюха. – Злая усмешка исказила черты его лица, а платье полетело бесформенным комком обратно на кровать. Похоже, что за годы, проведённые врозь, шкала его ненависти по отношению ко мне поднялась на пару пунктов.

– Ну, во-первых, я училась на дизайнера интерьеров, и слабо верится, что ты этого не знал. А во-вторых, ещё не вечер. Я обещаю, что в самое ближайшее время я покажу тебе ту часть гардероба, которую монашки сожгли бы на костре, боясь заразиться венерической болезнью. – Моя натянутая улыбка грозила испортить всю мою актёрскую игру.

Он нервно сжал руки в кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Отлично, он разошлся. Хотя, в принципе, с момента его появления я не увидела ни одной положительной эмоции.

– Я тебя предупреждаю, Вивиан.

Я поморщилась. Только он всегда называл меня полным именем и никогда этой традиции не изменял.

– Ты будешь вести себя прилично и одеваться соответственно. Никаких наркотиков. Даже травки. Я не отец и не буду закрывать глаза на твои выходки. – Он подошёл ко мне так близко, что мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. – Дай мне только один повод, и я клянусь, я закрою тебя в клинике до конца твоих дней, а их будет не так много, учитывая, какой образ жизни ты привыкла вести. Не забывай, из какой ты семьи! Я ясно выразился?

Меня охватил гнев. Кто он такой, чтобы стоять и отчитывать меня?! Он ни хрена не знает обо мне и моей жизни. Он всегда видел лишь верхушку айсберга и не более того. Сынок богатых родителей, появившийся на свет с золотой ложкой в заднице, которому с детства всё приносили на блюдечке с голубой каёмочкой. Я хотела ему сказать, что он может засунуть свои охренительно большие требования в одно место, но вслух произнесла:

– Ясно.

Видимо, моё «ясно» прозвучало для него не слишком убедительно, потому что он продолжал стоять и сверлить меня злым взглядом.

– Оденься. Жду тебя внизу через двадцать минут, – в приказном тоне сказал он и вышел из комнаты, хлопая дверью.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

И дня не прошло, как он вывел меня из себя. Перед возвращением домой я так долго настраивала свой эмоциональный фон на нужную волну, а ему хватило десять минут, чтобы моя маска уверенности дала трещину. Мне хотелось крушить всё вокруг от собственного бессилия. Хотелось выкинуть в помойку осквернённое им платье и надеть свой самый развратный наряд назло ему. Но моя внутренняя стерва успокаивающе гладила меня по голове и шептала, что это невыход. И я была с ней полностью согласна. Спустя ровно двадцать минут, надев всё-таки это чёртово платье, я спустилась вниз.

Алекс расслабленно сидел в кресле и просматривал документы в тёмно-синей папке. Перед ним на столе стоял стакан с янтарной жидкостью, и я готова поспорить на тысячу баксов – это шотландский виски. Мой взгляд перешёл на мужчину слева. Он стоял возле камина, сложив руки за спиной, и молчаливо смотрел на огонь.

Ричард Миллер.

Один из самых богатейших людей Нью-Йорка, а может и Америки, и по совместительству, мой отчим, оформивший опеку надо мной до моего полного совершеннолетия, которое, кстати, наступило уже почти два года назад.

На таком расстоянии я не могла разглядеть его лицо, но в одной этой величественной позе мне виделось так много всего. Неподвижная высокая фигура с королевской осанкой и благородной кровью в строгом деловом костюме, явно сшитом на заказ. Гордая порода аристократов чёрт знает в каком поколении. Он не любил распространяться о своей семье. Я лишь знала, что уже никого нет в живых.

– Здравствуй, Ричард.

Он повернулся в мою сторону, и я смогла рассмотреть гораздо больше. Очевидно, годы и пара инфарктов не оставили на нём видимого следа. Если даже что-то и было скрыто под завесой превосходства, то окружающим нужно было сильно постараться, чтобы это узреть. И даже я, прожившая с ним не один год и видевшая его в моменты слабости, не знала всех демонов, живущих в нём. Именно его я считаю главным претендентом на Оскар за непревзойдённые актёрские таланты. Я в этом деле, можно сказать, стажёр.

– Вивиан. – Его губ коснулась лёгкая улыбка, не затронувшая холодных глаз. – Я рад твоему возвращению, – сказал он, раскидывая руки в стороны и приглашая меня в свои объятия. Я подчинилась. Он крепко обнял меня и по-отечески поцеловал в макушку.

Алекс, наблюдавший за счастливым воссоединением семьи, сидел с выражением полнейшего скепсиса на лице, будто говоря мне: «Не верю. Старайся лучше».

Семейный ужин проходил пока на удивление спокойно. Я с огромным энтузиазмом рассказывала о своей учёбе в Лондоне, о стилях интерьера и своих личных предпочтениях. И я была очень удивлена, когда на мой комментарий про то, что барокко не совсем в моём вкусе, Ричард спросил:

– Как твоя комната, Вивиан, тебе всё понравилось?

– Да, спасибо, всё отлично, – немного сконфуженно ответила я, удивившись вопросу.

– Надеюсь, ты осталась довольна. Алекс занимался её ремонтом.

Мои брови взлетели вверх, и я изумлённо уставилась на брата, показывая всем своим видом: «Серьёзно?». Он, в свою очередь, сверлил взглядом отца и, наконец, обратив на меня внимание, надменно произнёс:

– Поверь, я не напрягался.

Ах, ну конечно, король отдал приказы несчастным холопам.

– Хорошо, что ты уточнил, а то я уже разволновалась, что ты стоял и всю ночь штукатурил стены лично, – усмехнулась я.

Почему-то вид Алекса, стоящего в синих штанах с обнажённым торсом, испачканным белой краской, бурно заиграл у меня в голове, вызывая глупую улыбку на моём лице.

Он нахмурился, но никак не прокомментировал мой выпад.

– Я заметила, у нас новая управляющая. Где Сю? – спросила я, когда молодая девушка в чёрном платье и белом переднике, расставив тарелки с закусками, вышла за дверь.

– Сю пришлось уйти по семейным обстоятельствам, – нехотя ответил Алекс, поглядывая на часы и снова возвращая взгляд ко мне. – Глорию я нанял по рекомендации друга. Надеюсь, проблем с персоналом не возникнет? – явно намекая на мои не самые лучшие отношения со Сю, спросил он.

– Нет. Она мне нравится, – честно ответила я, в душе радуясь, что эта старая корова, которая везде совала свой нос, больше здесь не работает.

– Твои вещи доставлены? – спросил Ричард, глядя на Алекса.

– Почти.

– Хорошо. Надеюсь, твой визит не затянется.

Алекс усмехнулся.

– Выгоняешь из дома родного сына?

Ричард, явно не торопясь с ответом, положил столовые приборы и, самыми что ни на есть аристократическими движениями руки, взяв салфетку, промокнул губы.

– Не говори ерунды, – наконец сказал он. – Тебе гораздо удобнее было жить в городе.

– Да, – подтвердил Алекс. – Площадь квартиры немаленькая. Обещали за пару-тройку месяцев управиться. А, пока, – он перевёл взгляд на меня, – я могу присмотреть за младшей сестрёнкой.

Я отчётливо услышала скрытую угрозу в этой, казалось бы, безобидной фразе, а обращение «сестрёнка» вызвало бурю протеста в моей душе. Я даже не подумала, что Алекс уже живёт отдельно и, видимо, в его квартире идёт ремонт, раз он временно перебрался сюда. Почему он просто не снял апартаменты в Нью-Йорке? Зачем переезжать сюда? Чтобы следить за мной? От этих мыслей стало тревожно.

– Что с Японцами? – отвлёк меня от беспокойных мыслей Алекс, аккуратно разрезая стейк из говядины на мелкие кусочки.

– Пока ничего, – устало выдохнул Ричард, откидываясь на спинку кресла и жестом руки показывая Молли (так звали обслуживающую нас девушку) налить ему ещё воды. – Они перенесли его подписание на пару недель, хотят внести коррективы.

– Я так и знал. Я говорил, что это дерьмовая затея и что им нельзя верить, – разозлился Алекс. – Давай пошлём их. Я долгое время веду переговоры с китайцами. У нас есть определённые намётки в том, как достичь прогресса. Ты знаешь, чего я добиваюсь.

– Я знаю, Алекс, и именно поэтому я против. Ты руководишься личными мотивами, а это не очень хорошая политика для будущего корпорации.

– Дело не в личных мотивах. Хотя, я считаю неважно, какая мотивация, главное – результат!

– Важно, если конечный результат мы видим разный. Хочешь сказать, дело не в Эмили? Кто такая Эмили? Мне стало не по себе от звучания незнакомого женского имени.

– Нет, – процедил Алекс. – Я уже тысячу раз говорил, что дело не в ней. Не только в ней. В Америке ежегодно ампутируют конечности около двумстам тысячам жителей. Наши новейшие разработки стоят от пятидесяти тысяч долларов. Согласись, не каждый может позволить себе это удовольствие. Не за горами кибер-эпоха. И я хочу, чтобы наша компания вошла в неё первой. Я добился того, что через пару месяцев на рынок выйдет новый протез, импульсы у которого будут считываться не с мышц, а непосредственно с нервных окончаний, но ты же знаешь, что проблему с ограниченным запасом энергии я не решил. Шестнадцать часов – это очень мало. У китайцев есть решение. Ты должен мне доверять.

Фармацевтическая корпорация Miller Health Corp. помимо производства лекарств, давно занималась протезированием конечностей. И я слышала, что благодаря Алексу за последние

пять лет компании удалось очень сильно их совершенствовать. В чём сейчас был спор? Я не понимала. Лично меня его речь впечатлила. Ричарда нет.

– Китайцам я не доверяю, и ты слишком торопишь события. Поэтому, нет, Алекс. В ближайшее время я не намерен возвращаться к этому вопросу. Надеюсь, ты меня понял. Я полечу в Японию и лично решу этот вопрос.

Я видела, что Алекс в корне не согласен с его решением, но спорить больше не решился и, налив себе ещё виски, выпил его залпом под укоризненный взгляд отца.

– Алекс, может, и мне нальёшь, раз такое дело? – решила разрядить я немного обстановку.

– Воды? – предложил он, очевидно, издеваясь.

– Пфф, вода не мой напиток.

– На ближайшее время это будет твой самый любимый напиток, – парировал он.

Я лишь закатила глаза.

– Кто такая Эмили? – я поняла, что не смогу уснуть без ответа на этот вопрос. Алекс молчал, видимо, обдумывая, стоит ли рассказывать мне такую ценную информацию.

– Младшая сестра моего приятеля. У неё саркома. Возможно, лечение окажется неэффективным и придётся ампутировать ногу. Я хочу быть к этому готов.

Мне стало стыдно за свои собственные мысли, в которых я уже ярко нарисовала обнажённую Эмили в одной постели с Алексом.

– Мне очень жаль. Надеюсь, она поправится, – искренне сказала я.

– Я тоже очень на это надеюсь. Тяжело будет девочке в двенадцать лет лишиться ноги.

В гостиной воцарилась тишина, нарушаемая лишь звоном столовых приборов и тихим, почти бесшумным шорохом одежды передвигающейся прислуги. Я без особого энтузиазма жевала потрясающе приготовленное мясо и думала о том, что это, действительно, ужасно: остаться без ноги в таком юном возрасте. Алекс однозначно заслуживал уважение за проявление такого чувства, как сострадание. В отличие от Ричарда, который, видно, не жаловал тему чужих страданий.

– Почему в прессе до сих пор нет ничего о твоём предстоящем назначении? – спросил он. – Ты согласовал дату мероприятия?

– Согласно на неделе. Прессой займётся Мур.

– Что за назначение?

– Алекс будет назначен на должность президента корпорации. Формально он и так выполняет все присущие этой должности функции, но требуется официальное подтверждение, – абсолютно бесстрастным голосом ответил мне Ричард, но я слишком хорошо его знала и могла заметить еле уловимые нотки гордости.

Я не была удивлена. Алекс всегда ставил себе цель и чётко шёл к ней. Казалось бы, с таким отцом сложно сбиться с намеченного пути, но по Алексу было видно, что он буквально горел идеей совершенствования методов протезирования и, судя по всему, даже в противовес мнению отца. Пока последнее слово осталось за Ричардом, но думаю, только пока. С Миллером-старшим очень тяжело прийти к компромиссу. Он неприступен. Но когда-то и Троя пала.

– Вивиан, расскажи ещё о Лондоне. Тебе понравилось там жить? Завела друзей? – отчим решил вернуться к более безопасной теме.

Как я успела заметить, про клинику никто и слова не сказал. Вероятно, эта часть моей жизни, в которой я чуть не подохла от ломки и одиночества, не самая подходящая тема для обсуждения за столом знати.

– Понравилось. У меня осталась в Лондоне подруга Лекси. Она стилист.

– Не густо, – усмехнулся Алекс.

Я пристально посмотрела в его льдистые глаза.

– У меня есть близкий человек, – сказала я, с наслаждением наблюдая, как злая усмешка покидает его красивые черты лица и превращается во что-то злое и опасное. – Мы познакомились в клинике.

Воздух в гостиной резко сгустился осязаемым облаком. Молчали все, даже Молли застыла и не шевелилась, чувствуя ощутимую угрозу, исходящую от моего сейчас крайне недоброжелательного сводного брата.

– Кто он? – требовательно спросил Алекс.

– Мой лучший друг.

Градус драматичности момента неуклонно поднимался вверх, пока Алекс нещадно сверлил меня взрывоопасно агрессивным взглядом. Я, не отрываясь, смотрела в ответ. Только если его взгляд выдавал раздражение, непонимание и злость, моё лицо было абсолютно бесстрастным. Меня не волновало, что он подумает. И это был второй обман.

– Ничего не меняется, Вивиан, – язвительно начал он. – Ты всё так же не умеешь заводить правильных друзей. Тебя отправили туда не дружбу заводить. Хотя, какая дружба, в таких местах одни...

– Алекс, – перебил его Ричард. – Остынь.

– В каких таких? – не обратила я на отчима никакого внимания. – Просвети.

– Дай подумать, – он показательно задумчиво постучал указательным пальцем по губам.

– В таких, где слабохарактерные наркоманы, готовые за дозу на...

– Алекс! – рявкнул Ричард, ударив кулаком по столу так, что подпрыгнули тарелки. – Успокоился, я сказал!

Я поднялась из-за стола. Во мне рос гнев в арифметической прогрессии. Внутренняя стерва взяла меч и надела доспехи, готовясь к самым кровавым расправам. Её щеки покраснелись, а глаза налились кровью, пока она, размахивая мечом, готовилась к показательному наказанию. Настоящий ангел возмездия.

Но всё это было лишь в моей больной голове. За эти годы я прекрасно научилась держать себя в руках, поэтому никак не выдавая своих истинных эмоций, я оперлась руками о стол и, слегка наклонившись к нему, спокойно сказала:

– Да, Алекс, там люди зависимые и с дерьмовым прошлым, прям как я, но они ни хрена не слабые. Не у всех хватит сил признать свою зависимость, пойти лечиться и начать всё сначала. Ты ни хрена не знаешь о них и об их прошлом, чтобы сидеть здесь и разглагольствовать в подобном ключе. А один из них вообще самый лучший человек из всех, кого я знаю. Поэтому, прежде чем ставить себя выше кого-то, задумайся: а так ли это на самом деле?

По мере того как я говорила, Алекс мрачнел всё больше, а его взгляд из-под нахмуренных бровей становился всё жёстче. Он так сильно сжал стакан в руке, что тумблер в любой момент грозился превратиться в горку стеклянных крошек.

– Достаточно, – твёрдо сказал Ричард, прерывая нашу битву взглядов.

Я решила, что на сегодня с меня хватит и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошла в свою комнату, на ходу бросив:

– Приятного аппетита сильным и независимым.

Глава 2.

Пять лет назад. Клиника Les Alpes. Швейцария.

Я сидела на большой террасе, подперев рукой щеку, и задумчиво вертела в руках зелёное яблоко, скользя пустым взглядом по заснеженным вершинам гор. Я уже была когда-то здесь. В этих горах. Несколько лет назад. Сколько точно сложно вспомнить. Наверное, эти разноцветные таблетки замедляли работу головного мозга. Я давно это подозревала. Все две недели, что находилась здесь не по своей воле.

Первые дни были самыми страшными. Я натурально сходила с ума и постоянно думала, что умру раньше, чем стрелка часов отсчитает свои очередные шестьдесят секунд. На второй неделе появились небольшие проблески вменяемости. Детоксикация организма и антидепрессанты сделали своё дело. Боль была не такой сильной, а местами, впад в полную апатию, я оставалась безразличной ко всему окружающему миру, чувствуя лишь вселенскую усталость.

Меня ничего не интересовало, а взгляд чаще всего оставался равнодушно безликим даже к окружающей меня с любого ракурса живописнейшей природе. И именно таким взглядом я наградила появившийся передо мной поднос с едой. Запечённая курица с овощным салатом и стакан свежесжатого апельсинового сока с торчащей из него гламурно-розовой трубочкой.

– Ты мало ешь, – прозвучал приятный мужской голос, и мне пришлось поднять голову.

Передо мной стоял молодой парень приблизительно моего возраста в простой белой футболке и синих шортах. У него было худое телосложение и заметно осунувшееся лицо, будто он резко потерял в весе. Но его взъерошенные светлые волосы, местами выгоревшие на солнце, и лёгкий прищур глаз от палящего солнца делали его образ по-мальчишески милым. А когда на моё пристальное рассматривание он отреагировал широкой улыбкой, показывая очаровательные ямочки на щеках, я приняла окончательное решение о его привлекательности.

Никак не смутившись моего молчания, он спокойно сел напротив и, подперев подбородок рукой, внимательно посмотрел мне в глаза.

– Тебе нужно хорошо питаться, чтобы поправиться.

Ну вот. Плюс один в копилку тех, кто хотел бы меня вылечить.

– Считаешь, я больна? – не отрывая глаз от его лица, я положила надоевшее мне яблоко на стол.

– А ты так не считаешь? – вопросом на вопрос ответил он, забирая моё яблоко со стола и подкидывая вверх, чтобы затем ловко перехватить его другой рукой.

Я проследила за полётом.

– Нет, – процедила я сквозь зубы, ожидая очередную лекцию о стадии отрицания. Как оказалось, вокруг одни психологи с красными дипломами и степенями магистра, чётко знающие меня лучше, чем я сама.

– Ну, нет, так нет, – легко пожал он плечами и, перестав подкидывать, вонзил зубы в плотную мякоть.

Вот как. Хорошо, ты меня удивил.

– А ты болен?

– А ты как думаешь?

– А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

– Нет.

– Что нет? Не болен или не всегда?

– Не всегда.

– Чёрт, похоже, ты всё-таки болен, – раздражалась я от бесполезного диалога, пока он, улыбаясь, хрустел уже ненавистным мне яблоком.

– Похоже, да, – и неожиданно громко расхохотался, увидев мою реакцию на свой ответ. На нас даже стали оборачиваться из-за соседних столиков.

А потом так же резко его смех оборвался, и лицо приняло полностью серьёзное выражение. Откинув недоеденный фрукт на поднос и игнорируя правила приличия, до которых, собственно, мне тоже не было никакого дела, он вытер рот рукой и в упор уставился на меня.

– Здесь все больны, – сказал он самую очевидную вещь.

– Пожалуй, соглашусь, – протянула я, оценивая его переменчивое эмоциональное состояние, и, откинувшись на спинку стула, скрестила руки на груди. – Как тебя зовут?

Он слегка улыбнулся.

– Зови меня друг.

Друг, значит. Друг с насыщенным глубоким цветом глаз, так идеально вписывающимся в окружающий пейзаж.

Настоящее время. Нью-Йорк.

На следующее утро я стояла в ванной комнате перед зеркалом и критически рассматривала в отражении девушку, отдалённо напоминающую меня. Первой красавицей Америки мне не стать. На голове гнездо, под глазами залегли тёмные круги, а губы искушены до мелких кровяных трещин. Чувство, будто это место вытягивало из меня все жизненные силы.

Вчера я долго не могла уснуть, раз за разом прокручивая в голове не самое удачное завершение дня. Алекс никогда не отличался ангельским терпением, но за прошедшие сутки он превзошёл сам себя.

Отчасти я его понимала. С детства он был загнан в жёсткие рамки со стороны отца. Куча требований и правил, которым приходилось соответствовать. В нем бурлила бешеная энергия, которая не могла найти выход. И пока Ричард сдерживал его порывы, но рано или поздно этот снаряд разорвётся, посеяв настоящий хаос среди мирных жителей. И я не боялась взрыва. Я боялась не оказаться в радиусе поражения.

В одну минуту я испытывала ненависть к нему за его скотское поведение по отношению ко мне, а уже в другую представляла порочные сцены с его участием такого масштаба, что будь сейчас на дворе XVI век, инквизиция явилась бы по мою душу. Что со мной не так?

«Он красивый! – трогательно прошептала наивная дурочка внутри меня. — И ты его хочешь».

– Он козел, – фыркнула я, полностью игнорируя вторую часть предложения.

Я наклонилась ближе к зеркалу. От вчерашнего солнца на носу у меня появились небольшие веснушки.

Улыбнувшись сама себе, я решила: к черту Миллеров! Я ни за что не испорчу себе сегодняшний день. У меня были грандиозные планы – по максимуму опустошить счёт Алекса.

Специально для меня он сделал карточку и привязал её к одному из своих личных счетов. Вчера после ужина он торжественно вручил мне её, не забыв напомнить, что все мои расходы полностью контролируются. Пока я жила в Англии, он такой ерундой не занимался. Хотя, если подумать, самые крупные суммы за квартиру и учёбу пролетали мимо меня и оплачивались напрямую кем-то из двух глубокоуважаемых мужчин нашей семьи. За всё время проживания на другом континенте я не совершила ни одной серьёзной покупки.

Приняв душ, я начала сушить голову феном, наряду с этим мысленно составляя приблизительный список необходимой мне одежды. Он вышел весьма внушительным. Большую часть своего гардероба, не принятого в высших кругах, пришлось оставить в Лондоне. Наверное,

гардеробная Лекси сейчас ломилась от обилия в нём вещей. Она была ещё той шмоточницей и никогда не упускала возможности залезть ко мне в шкаф.

Надев короткие джинсовые шорты и белую футболку, я вышла из комнаты и начала неторопливо спускаться вниз по лестнице, на ходу набирая сообщение Лекси и параллельно представляя, сколько сейчас времени в Соединённом Королевстве. Не отрываясь от телефона, я остановилась на последней мраморной ступени и, заметив какое-то движение спереди, подняла голову. Далее, тишину холла разорвал оглушительный визг, разнёсшийся эхом по вестибюлю, и когна черных, как смоль, волос врезалась мне прямо в лицо.

– Боже, Ви, я не могу поверить, что это ты! – заорала мне прямо в ухо Беатрис Холл, сжимая меня в удушающих объятиях. Она обнимала меня так крепко, что казалось, когда в моих лёгких закончится кислород, я не смогу вздохнуть.

От неожиданности я не сразу сообразила, что стою столбом. Я обняла её в ответ, и меня сразу окутал её любимый аромат духов от знаменитого дома Chanel. Почему-то в её объятиях мне стало так уютно и хорошо, будто я вернулась в наше беззаботное прошлое.

Но чувство радости быстро сменилось чувством глубочайшего стыда. Трис – моя лучшая школьная подруга. Мы были с ней неразлей вода до тех пор, пока наши интересы совпадали. В последний год учёбы наши пути разошлись. Вместо перспективной дороги с красочным будущим я выбрала гнилое болото, затянувшее меня так быстро, что, не успев оглянуться, я оказалась по самые ноздри в дерьме. Но она боролась за меня до последнего.

Звонила мне. Звонила много раз в то время, как я уже вышла из клиники и переехала жить в Лондон. Даже писала мне письмо на электронную почту. Я ни разу не ответила. Не могла. Я сменила номер и зажила новой жизнью. И даже когда меня охватывали сомнения, и я хотела ей позвонить, в последний момент я думала, что уже не нужна. Мне начало казаться, что я заблуждалась.

Она выпустила меня из своих спартанских объятий и, сделав шаг назад, принялась внимательно рассматривать меня с головы до пят. Вернувшись взглядом к моему лицу, она сказала:

– Как всегда, красотка, – широкая улыбка озарила её лицо. – Мы столько лет не виделись, почему ты не позвонила мне, как прилетела?

– Я вернулась только вчера и надо было присутствовать на семейном ужине, – пожала я плечами, преодолевая последнюю ступень и становясь теперь с ней одного роста.

– Ты куда-то уезжаешь? Если ты сейчас занята, – замялась Трис, – мы могли бы встретиться позже.

– Я собралась по магазинам, – сказала я, тепло улыбнувшись. – Поехали со мной? Заодно расскажешь, какой грустной была твоя жизнь последние пять лет из-за отсутствия в ней меня.

Беатрис звонко рассмеялась.

– Договорились.

Рик отвёз нас в Мидтаун, где мы за несколько часов обошли большую часть торговых комплексов центральной части Манхэттена. Я оторвалась по полной, накупила одежды на год вперёд и подарила Трис комплект провокационного нижнего белья от Lise Charmel, в котором она планировала соблазнять своего парня Нейта. Себе я тоже взяла пару комбинаций из их последней коллекции. Соблазнять мне было некого, но внутренняя стерва с сердечками в глазах трепетно хлопала ресницами и томно нашёптывала одно имя.

Завершением моей великой миссии стало посещение флагманского магазина Tiffany&Co. Это десятиэтажное торговое здание на Пятой авеню покорило меня своим размахом. Я питала слабость к украшениям и никогда не оставалась равнодушной к роскошным ювелирным изделиям престижного американского дома. Мы провели там почти два часа, и уже под конец, когда от блеска драгоценных камней рябило в глазах, я все же сделала выбор в пользу лаконичного браслета из белого золота с бриллиантовыми вставками.

Мы сгрузили все свои покупки Рику в машину и, купив кофе, решили прогуляться по Вашингтон-Сквер-парк. Казалось, в этом парке собралась добрая половина жителей Нью-Йорка.

– Расскажи о Нейте, – попросила я Трис, рассматривая группу студентов, которые расположившись на траве усердно что-то записывали в своих тетрадах под диктовку грузного уса- того мужчины.

– Мы познакомились год назад в DLA, – начала воодушевлённо она. – Ты же знаешь, я всегда хотела попасть в эту юридическую компанию и стать выдающимся адвокатом.

– Считай, первая цель достигнута. Или ты уже самый выдающийся адвокат Америки? – улыбнулась я, отпивая горячий кофе. Почему мы взяли именно его в такую жару?

Она заливисто рассмеялась.

– Пока нет, но Нейт – да! За два года стажировки он успел добиться невероятных успехов. Он был допущен к делам корпорации вашей семьи, а ты сама понимаешь, стажёров туда не берут. Многие считают, у него талант, – задрав повыше подбородок, с гордостью произнесла она. – Поскольку стажировка в этом году окончена, твой брат очень хочет, чтобы он занимался только делами корпорации и ушёл из DLA, но Нейт пока отвергает его предложение.

– Алекс? – переспросила я, останавливаясь напротив фонтана, в который сейчас двое мальчишек опустили свои босые ноги и весело хохотали. В такую жару хотелось нырнуть туда с головой.

– Да, – Трис остановилась рядом со мной.

– Значит, он и правда талантлив, раз сам Александр Миллер обратил на него внимание, – я повернулась к ней лицом, улыбнувшись уголками губ. – Он же чёртов педант, не говори, что Нейт такой же.

– Поверь, он совсем не такой, – она взяла меня за руку и потянула к ближайшей лавочке.

Под знойными лучами солнца дерево скамьи нагрелось и казалось обжигающе горячим для оголённых участков кожи. Я вытянула ноги вперёд, надеясь слегка загореть, и стала мечтать о прохладном лимонаде вместо тёплого капучино.

– Я слышала, у Ричарда было два инфаркта, – осторожно начала Трис, сняв солнечные очки и облокотившись локтем о спинку скамейки.

Я перевела на неё взгляд. Беатрис никогда не загорала. Её густые чёрные волосы, алебастровая кожа и выразительные синие глаза полностью оправдывали звание снежной королевы школы. Она очень мало кого к себе подпускала и на всех смотрела свысока. Но почему-то этой чести удостоилась я. Если узнать её поближе, то снежная королева всего лишь оболочка. Внутри она очень добрый и ранимый человек.

– Да, – ответила я, выплывая из своих размышлений. – Ему уже гораздо лучше.

– Мне очень жаль. Он прекрасный человек, надеюсь, он полностью поправится, – она накрыла мою руку своей.

Я промолчала, но руку не убрала.

– Тебе понравилась жизнь в Лондоне? – решила сменить она тему.

– Очень, – улыбнулась я.

– Почему тогда вернулась?

До нас неожиданно донеслись отголоски мелодии. Я покрутила головой, но источник этого великолепия в поле моего зрения не оказался. Играли на саксофоне.

– Я люблю Нью-Йорк, – ответила я, сильнее вслушиваясь в магическое звучание нот. Звуки, издаваемые этим музыкальным инструментом, я всегда считала по-особенному завораживающими. Волнующая и безумно трогательная композиция заполнила окружающее пространство. – И меня посещали мысли о возвращении. Алекс принял решение за меня.

– С Алексом тяжело поспорить, – грустно произнесла она. – Но я очень рада, что ты вернулась. Я так скучала, – её голос дрогнул.

– Не вздумай реветь, – сказала я, обнимая её за плечи. Слёзы Трис под проникновенную музыку могли бы способствовать падению всех моих душевных бастионов.

– Давай лучше отметим наше долгожданное воссоединение, – шутливо щёлкнув её по носу, я достала телефон, чтобы позвонить Рiku.

– У Энди сегодня вечеринка. Давай сходим? – неожиданно предложила она.

Увидев мой вопросительный взгляд, она пояснила:

– Энди – это друг Нейта, его родители уехали отдохнуть за границу и их огромная вилла в его распоряжении. Будет круто, обещаю!

Закусив щеку, я с сомнением смотрела в её кукольное лицо, обдумывая, как лучше поступить.

По личным меркам Алекса, чтобы быть достойным членом их высокопоставленной семьи, я должна всего лишь делать всё, что он говорит. И маловероятно, что в составленную персонально им мою дневную программу, входило посещение вечеринки Энди. Звучало нереально. Но в мои личные планы не входило умасливание Алекса. По крайней мере, сегодня.

– Идём, – согласилась я, и лицо Беатрис просияло.

После парка я не поехала в Гринвич. Стыдно признаться, но я действительно боялась, что меня могут запереть дома. Я отправила Рiku вместе со всеми покупками домой, а мы с Трис поехали в её квартиру в верхнем Вест-Сайде.

Я приняла душ и одолжила у подруги белые шорты с высокой талией и чёрный короткий топ с шнуровкой на груди. Мой наряд мало оставлял места для воображения, поэтому скромные белые конверсы и прозрачный блеск для губ дополнили мой далёкий от благопристойности образ.

Пока мы ехали в такси и Трис без остановки щебетала мне о трудностях адвокатуры, я думала о том, что мне очень жаль, что последний год школы я отдалась от неё. Я её не винила, у неё были большие планы на будущее, и она не хотела портить свой выпускной год вечеринками с алкоголем и наркотой. После одной из них я до сих пор испытывала жгучий стыд.

FLASHBACK

– Ви, тебе нужно остановиться, всё зашло слишком далеко, – металась Трис по ванной комнате, пока я после очередной вечеринки извергала содержимое своего желудка в унитаз. – Рано или поздно у тебя будет передоз, если это уже не он, – не могла остановиться она.

Я свесила одну руку в унитаз и, положив голову сверху, прошептала:

– Не волнуйся, я в порядке.

– В порядке? – она подошла и села возле меня на корточки.

– Что с тобой происходит? Про тебя ходят слухи, – виноватым голосом прошептала она, заглянув мне в глаза. – Говорят, что ты... что ты..., – она боялась закончить предложение, а я не собиралась ей помогать.

– Что ты наркоманка и спишь со всеми подряд, – всё же решилась она на откровенный диалог.

Я встала и подошла к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой. Всё это время она молчаливо стояла позади меня. Подняв голову, я посмотрела на Трис в отражении зеркала, и мстительная улыбка исказила черты моего лица.

– Да, это масштабные новости, – мой голос даже для меня был мерзкий. – Конечно, то, как некоторые бегают по психологам, чтобы убедиться, что в их жизни ещё будет секс, не станет такой сенсацией, как то, в каких групповухах я участвую.

Сначала Трис просто хлопала глазами, но потом её лицо вспыхнуло, и, сжав от злости кулаки, она процедила:

– Убирайся!

В примирительном жесте я с насмешкой подняла руки вверх и вышла из ванной комнаты, громко хлопнув дверью.

Пока я ехала домой меня сжигал стыд. Только со мной она делилась своими переживаниями, что до сих пор девственница. И дело не в том, что ей не с кем, а в том, что она вообще не могла возбуждаться и думала, что фригидная. Она очень переживала по этому поводу и даже посещала психолога. Боже, какая я сука.

Настоящее время.

Подъехав к большому особняку в районе Лонг-Айленд, Трис, весело напевая какую-то идиотскую песню, схватила меня за руку и потащила к парадным дверям. Стоило мне попасть внутрь, как на мои барабанные перепонки обрушился шквал мощнейших битов. В парадной дома люди расползались как насекомые, а музыка орала так, что мой мозг начал ощутимо пульсировать через черепную коробку. Мне по инерции захотелось закрыть уши. Трис тянула меня через просторный холл и, особо не церемонясь, расталкивала на пути пьяных гостей. Некоторые из них казались полностью невменяемыми. В конце него мы свернули направо и через стеклянные раздвижные двери вышли к бассейну, подсвеченному по периметру подводными фонарями.

Сразу стало понятно, какой социальный слой общества развлекался здесь. Под навесом стоял широкий стол с цветным орнаментом, на котором покоилась тонна элитного алкоголя. Шлюхи на любой вкус призывно трясли своими огромными, едва прикрытыми бикини сиськами. Они заливисто смеялись и игриво брызгали в друг друга водой. Парни сидели на бортике бассейна, пили пиво и пожирали их плотоядными взглядами. Откуда-то слева раздались женские громкие стоны. Пышногрудая блондинка оседлала лежащего на шезлонге парня и совершала характерные имитирующие движения вперёд-назад, в экстазе запрокинув голову вверх. Парень в свою очередь с расфокусированным взглядом и сигаретой во рту агрессивно сминал её упругие ягодички, заставляя двигаться ещё быстрее. Мерзость.

Пройдя мимо всей этой вакханалии, мы свернули в узкий тёмный коридор и открыли последнюю дверь слева. Мы попали в комнату, где, по сравнению с другими помещениями этого безнравственного театра, стояла абсолютная тишина, разбавленная лишь негромкой музыкой и разговорами находящихся внутри мужчин.

Она была достаточно просторной. Здесь стоял стол для настольного тенниса, диван с плазмой и приставкой, где сейчас двое парней активно рубились в футбол и бильярдный стол, у которого ещё трое, увлечённо болтая, гоняли шары. Беатрис разбежалась и запрыгнула на спину одного из парней, играющих в бильярд. Он резко обернулся, а затем рассмеялся.

– Эй, детка, не надо меня так душить, – весело проговорил он.

Нейт был больше похож на калифорнийского сёрфера, чем на успешного адвоката. Может, всё дело в отсутствии костюма? Высокий и поджарый, в шортах и белой рубашке с закатанными рукавами, из-под которых контрастом выделялись жилистые загорелые руки. Выгоревшие волосы находились в творческом беспорядке, и для полноты картины не хватало только серфборда и солнечных очков.

– Парни, знакомьтесь, – произнесла Трис, указывая на меня. – Моя подруга, Вивиан. Прошу любить и жаловать.

Нейт перевёл взгляд на меня, но его опередил блондин справа:

– Я Энди, детка, – его губы растянулись в соблазнительной улыбке, открывая вид на идеальный ряд белоснежных зубов. – Если вдруг заскучаешь, – он сделал демонстративную паузу, лениво разглядывая моё тело и будто прокручивая у себя в голове, достойна ли я внимания местного Казановы, – то третий этаж, последняя дверь слева. Я весь к твоим услугам, – всё-таки достойна.

– Договорились, Энди, – усмехнувшись, кивнула я, рассматривая его по-детски наивные черты лица и голубые глаза, в которых плескалось совсем недетское желание. Он хоть совершеннолетний?

– Чувак, когда ты умрёшь, твой член забальзамируют, как народную достопримечательность, – усмехнулся третий.

Энди расхохотался.

– Я не расстанусь со своим членом даже после смерти.

– Фу, – поморщился Нейт. – Мы можем хоть одну встречу не обсуждать твой член?

– Я родился с великой миссией: разбавлять депрессию в женских массах, – с напускной важностью заявил блондин.

Под гогот рядом стоящего брюнета, и короткую лекцию о недостойном мужском поведении, выданной как на духу моей подругой, парень Трис протянул мне руку.

– Нейтон Элфорд, – представился он, и я пожала её в ответ. – Не обращай внимание, наш местный обольститель переполнен тестостероном, – весело подмигнул он мне.

– Это заметно, – рассмеялась я.

Мы сели за небольшой столик в углу комнаты. Трис включила какую-то попсовую песню, которую я раньше не слышала и принесла бутылку виски. Они расспрашивали про мою жизнь в Лондоне и утверждали, что Нью-Йорк круче. Я не хотела спорить, но выбирать между ними было бы кошунством с моей стороны. Каждый из них был по-своему мне дорог.

Первые пару месяцев после закрытых стен клиники я сидела на голодном пайке из блеклых чувств, похожих на рефлекторные подёргивания препарированной лягушки. Но время и впрямь лечит. Учёба, новые знакомства и редкие встречи с *Другом* сделали мою жизнь в Лондоне более-менее счастливой. Этот город стал тихой гаванью, из которой не хотелось отчаливать. Но всё же пришлось. Нью-Йорк вызывал слишком много воспоминаний и переживаний. В них нужно было окунуться, чтобы начать всё заново.

После двух бокалов в голове стало на пару мыслей легче и внутренняя стерва, покачиваясь на односолодовых волнах, требовала экшена. Я лишь вяло отмахивалась от неё, не желая искать приключений на свою пятую точку.

Когда Энди ушёл пообщаться с гостями, брюнет, который представился Крисом, предложил мне сыграть в бильярд. Никогда толком не умела в него играть. Поэтому, пока Нейт с Трис допивали остатки виски и миловались на диване, я потерпела грандиозное поражение. Проиграла практически в сухую.

– Второй раунд? – предложил довольный своей победой Крис.

– Ни за что, – категорично заявила я.

– Тогда пойду выпью, – легко принял он мой отказ.

Я собрала все шары с помощью деревянного треугольника. Воинственно натерев кончик кия, я склонилась над столом, чтобы максимально эффектно разбить пирамиду ударом в лоб. Напутствия Криса не пролетели мимо моих ушей. Приготовившись совершить свой коронный удар, я задержала дыхание.

– Как думаешь, Нейт, они расстроятся, если я приму участие? – я замерла. До боли знакомый мужской голос был насквозь пропитан насмешкой.

– Я думаю, очень даже, – рассмеялся Нейт. – Но ты всегда можешь стать благородным и не играть на деньги.

Повернувшись на звук этого голоса, я точно знала, что увижу. Точнее кого. Он стоял посреди комнаты и открыто насмехался над двумя парнями, играющими в нелепые бои на приставке. Нейт, не вставая с дивана, воодушевлённо рассказывал ему какие у него большие шансы на победу, прижимая к себе захмелевшую Трис.

– Нет кайфа в победе над дебютантами, Нейт, – скривился новый участник этого вечера. – Где Энди? Надеру ему зад, – сказал он, предвкушающе потирая ладони и осматривая пространство комнаты.

Опершись правой рукой о стол, я прислонила кий к левому бедру, и стала ждать, пока его взгляд найдёт мой. И он нашёл.

В тот момент, когда наши взгляды столкнулись, и Джеймс Уильямс понял, кто перед ним стоит, казалось, прошло несколько часов. Сначала его лицо ничего не выражало. Его взгляд мазнул по мне, как по предмету интерьера. Но когда его мозг зафиксировал знакомое лицо и запустил соответствующие химические реакции в черепной коробке, его глаза неотрывно впились в мои. Я стояла в нескольких метрах от него и всё равно видела, как его брови удивлённо поползли вверх, а расширенные до невероятных размеров глаза не верили тому, что видят. Помешкав буквально мгновение, он в пару-тройку шагов преодолел расстояние между нами и, крепко схватив меня за плечи, притянул к себе.

– Черт, скажи, что ты настоящая, – прошептал он мне в ухо. Я уткнулась ему в шею и невольно вдохнула аромат его кожи. Что-то терпкое и совсем чужое. Я попыталась отмотать плёнку памяти и вспомнить, что я испытывала пять лет назад. Пустота. Я совсем не помнила запах человека, с которым была неимоверно близка когда-то.

«Близка только физически», – решило поумничать выпившее создание внутри меня.

Он отстранился и выжидающе посмотрел в мои глаза.

– Настоящая, – сказала я и, отступив на шаг, положила кий на стол. Его слегка разочарованное лицо дало понять, что от его внимания не укрылось моё желание держать дистанцию.

Я всегда сравнивала его с братом. Они дружили с самого детства и были максимально разными. Алекс обладал сдержанной неприступной красотой, а душа, наполненная до краёв прочным льдом, колола меня своей ненавистью и презрением. Джеймс, наоборот, как пламя, страстный и горячий, никогда не мог скрыть от меня своих истинных эмоций. Он врвался в мою жизнь, когда считал нужным и переворачивал в ней всё вверх дном. Наши отношения были похожи на пожар, расплзающийся быстро и неистово. Но стоило только ветру поменять направление, как огонь следовал за ним. И именно эта переменчивость сыграла не в его пользу. Я ему доверяла, но не любила.

– Поговорим? – предложил он, неоднозначно пробегая взглядом по моим ногам. Я согласилась, молча кивнув. Он завёл меня на третий этаж, аргументируя это необходимостью приватного разговора и, закрыв дверь на замок, повернулся ко мне.

Джеймс изменился. Он повзрослел и похудел. Черты лица заострились и стали более мужественными. Нос, претерпевший изменения благодаря моему доброму сводному брату, придавал оттенок суровости, а глаза цвета топлёного шоколада, которые вызывают темнели, когда он злился или был возбуждён, сейчас смотрели настороженно.

– Когда ты вернулась? – первым нарушил тишину он.

– Вчера.

– Охренеть, – выдохнул он, нервно проведя рукой по тёмным кудрявым волосам. Он ненавидел свои выющиеся волосы и старался максимально коротко остричь их. Я же в свою очередь любила их и после очередного секса разнеженная и уставшая поочерёдно наматывала его кудряшки на палец.

– Я не знал.

– Никто не знал.

Он подошёл ко мне ближе, пристально рассматривая моё лицо.

– Ты вернулась насовсем?

– Пока не знаю. Всё будет зависеть от здоровья Ричарда и решения Алекса. В его глазах что-то мелькнуло и пропало. Я не успела понять, что конкретно это было.

– У нас нет больше никаких дружеских отношений, – признался Джеймс. – Он так и не простил мне тебя.

Я этого не знала. Я надеялась, что они сохранят свою дружбу, учитывая, что она начиналась с младших классов и продолжалась на протяжении многих лет. Но Алекс очень сложный человек. Я не уверена, что он вообще был способен на прощение.

– А что у тебя с ним? – прервал он мои размышления.

Я вопросительно приподняла бровь. А что у меня с ним?

– Он всё также не выносит моего присутствия, ничего не поменялось.

– Да брось, Ви, он всегда был к тебе равнодушен, – с жаром сказал он.

– Джеймс, он не выносит, когда фамилию Миллер полоскают в грязи, – сказала я, твёрдо смотря ему в глаза. – Он меня наказал.

Или спас?

– Меня до сих пор наказывает, – как-то устало ответил он.

Джеймс положил руки мне на талию.

– Не будем о нём. Я так скучал, ты не представляешь, – прошептал он, скользя губами вдоль моей щеки.

Внутренняя стерва набычилась и гордо вскинула подбородок, показывая всем видом своё полное несогласие. Его губы продолжили путь ниже, и он нежно поцеловал уголок моего рта.

– Ты всё так же пахнешь ванилью, – и я почувствовала его улыбку.

Мои мысли заметались. Его тело так тесно прижималось к моему, а виски в крови дирижировал мной как оркестром, и мне захотелось ощутить тепло когда-то родного тела. Я приблизилась к его лицу и медленно провела языком по его губам, слегка прихватывая зубами нижнюю. В ответ на мою маленькую манипуляцию он до треска костей сжал руками мою талию, и я в самом первом ряду могла наблюдать, как тягучая карамель густела, превращаясь в твёрдый горький шоколад. Больше не раздумывая ни секунды, он обрушился на мой рот глубокими жадными поцелуями. Пока его язык безжалостно сражался с моим, его руки собственнически блуждали вдоль моего тела. От него пахло алкоголем, мятной жвачкой и табаком.

Поцелуй из жадного и страстного перерос в более чувственный и нежный. Запустив пальцы в его волосы и сжав их у корней с достаточной силой, я оттянула его голову назад и проложила дорожку лёгких поцелуев вдоль шеи. Солоноватый привкус кожи осел на языке.

Это было хорошо. Даже страстно. Но уже не то.

Его рука, сжимающая мою ягодицу, переместилась вперёд и очень самоуверенно расстегнула мне пуговицу на шортах, отчего ширинка сразу поползла в стороны. Он уже готов был залезть мне в трусы, но я накрыла его руку своей, останавливая от необдуманных поступков прежде всего себя. Джеймс отстранился и непонимающе посмотрел мне в глаза. Опустив руки и не желая ничего продолжать, я отошла от него на несколько шагов. Под его горящим взглядом я пригладила растрепавшиеся волосы и уже хотела озвучить ему тысячу причин, почему мы это не сделаем, как почувствовала вибрацию в заднем кармане шорт. Высветившееся на дисплее имя заставило моё сердце тревожно сжаться.

– Чтобы в течение часа была дома, – раздался страшно спокойный голос Алекса в динамике устройства. Я крепче сжала пальцами прохладный металл корпуса, не зная, как поступить. Нахмуренный взгляд Джеймса несколько не спасал ситуацию. Очевидно, он чувствовал моё взвинченное состояние и молчаливо взирал на меня, стоя посреди комнаты.

– Алекс, – начала я, и лицо Джеймса сразу помрачнело. – Я ... – Но он меня перебил.

– Если не явишься в указанное время, я приеду и лично сопровожу тебя домой. Поверь, этот вариант ты была выбрала в самую последнюю очередь, – голос все также оставался на удивление спокойным и размеренным, но все мои инстинкты истошно вопили о грядущей угрозе, талантливо скрытой за маской невозмутимости.

– Я приеду, – на что он просто положил трубку.

– Видимо, тебе пора, – непонятным для меня тоном произнёс Джеймс, отходя к окну. Он молча стоял и смотрел во двор, откуда раздавались женские крики и смех.

– Да, – сказала я, вытирая губы и застёгивая шорты. Меня напрягало, что он стоял ко мне спиной. – Всё в порядке?

– Да, – он повернулся в мою сторону. – Мы поговорим в другой раз. А сейчас тебе нужно ехать. Не стоит его злить.

– Не стоит злить, – тупо повторила я.

– У нас контракт, подписание которого очень сильно зависит от его решения, – попытался оправдаться Уильямс. – Я не хочу с ним портить и деловые отношения тоже даже из-за... – он замолк, окончание фразы давалось ему с трудом.

– Даже из-за меня, я поняла, – закончила я за него.

Он молчал.

– Всего хорошего, Джеймс, – я пошла на выход, но уже возле двери обернулась и спросила:

– Зачем ты рассказал ему?

Он нахмурился, не совсем понимая, о чем речь.

– О нас. Как он узнал? – уточнила я.

Джеймс понял. Нервно проведя рукой по волосам, он вздохнул.

– Ты думала, что это я? Я ничего не говорил, он поставил за тобой слежку и узнал всё сам.

Я шокировано молчала.

– Мы обязательно всё обсудим, я обещаю, – серьёзно сказал он.

Нечего было обсуждать. Я молча вышла из комнаты.

По дороге домой я испытывала смешанные ощущения от сложившейся ситуации. Я только сейчас, кажется, осознала, какой властью стал обладать мой брат. Раньше Джеймс никогда бы не повёл себя подобным образом. Теперь он боялся последствий и от этого становилось не по себе. Слежка стала ещё одним ударом. Если он и сейчас следил за мной, то он самый настоящий псих. У меня не было на него никакой управы, и это открытие стало тревожить меня ещё больше.

Я уговаривала себя, что всё дело в репутации. Что Ричард, что Алекс были одержимы её чистотой. Алекс даже в большей степени. Складывалось ощущение, что он, прикрываясь добрыми намерениями, всячески пытался усложнить мою жизнь. Он до сих пор не мог простить мне годы моей неуправляемости. Ему с трудом удалось оставить моё лечение в тайне. Не удивлюсь, если в болезни его отца, по его мнению, виновата тоже я.

Пока навязчивые мысли в моей нетрезвой голове устраивали Формулу-1, я накручивала себя всё сильнее. Тревога сплелась с уничижительным чувством беспомощности и хлестнула по лицу падением собственного достоинства. Я ощущала себя дрессированной кошкой в цирке, радостно прыгающей между кольцами в угоду хозяину. В крови забурлила бессильная злость, которая перевоплотилась в неудержимый гнев и с сумасшедшей скоростью разлилась по венам.

Поэтому, подъехав к дому, я как торнадо взлетела по ступеням особняка и, пробежав холл, яростно ворвалась в гостиную. Запыхавшаяся и злая я смотрела, как человек, мысли о котором не покидали меня весь последний час, расслабленно сидел в кресле в идеально отутюженной белой рубашке и таких же идеальных чёрных брюках. В руках он держал белую небольшую чашку, а комнату наполнял терпкий аромат кофе. Это взбесило меня окончательно.

– Какого хрена, Алекс?! – подлетев к нему, заорала я. По ощущениям все жители соседних домов услышали мой вопль.

Он даже не вздрогнул. Он поднял на меня свои леденящие душу глаза и невозмутимо сказал:

– Опять трахаешься с Джеймсом.

Не вопрос. Утверждение. У меня волосы на голове встали дыбом от его ровной безжалостной интонации.

– Тебя это не касается, – взяв себя в руки, твёрдо ответила я.

Его взгляд скользнул по всему моему телу, успев захватить спутанные волосы, искусанные губы и, наконец, остановился на уровне моих шорт. И тут я с ужасом осознала, что у меня расстёгнута ширинка. Чёрт, я застегнула пуговицу, но второпях совсем забыла про молнию.

Казалось, в гостиной остановилось время. Будто в замедленной съёмке, Алекс поставил на столик чашку с недопитым кофе и, поднявшись с кресла, посмотрел мне в прямо в глаза. Этим взглядом можно было колоть лёд в Арктике. Воздух между нами ощутимо сгустился и стало настолько тихо, что я слышала тиканье коллекционных настенных часов, купленных Ричардом за бешенные деньги на закрытом аукционе. Это тиканье нервировало меня до оглушающего пульса в ушах. Мне стало страшно.

– Алекс...

Он заткнул меня одним небрежным взмахом руки.

– Мне вот что интересно, – начал он, обдавая меня волной ледяного презрения. – Не успела ты приехать, и Уильямс уже засунул в тебя свой член. Вижу, мои слова больше не оказывают на него должного воздействия. Придётся это исправить. Теперь о тебе, – продолжил он в своей высокомерной манере. – Тебе нравится быть использованной? Нравится, когда тебя трахают и ничего более? Встретив тебя, он спросил: «Как ты?». Ты рассказала ему о своём лечении, учёбе, любви к танцам? Он знает, какой у тебя любимый фильм, а песня?

Его слова били наотмашь. Рядом с идеальным Алексом я снова почувствовала себя той самой грязной девочкой из болота, которой не была уже много лет. Джеймсу насрать на всё то, что он сейчас перечислил, и мы оба это знали. Он хотел уязвить меня. Сделать больно. Но я ни за что в жизни не доставлю ему удовольствие. Не покажу, что у него получилось.

– А ты не думал, что мне самой нужен только его член? – вызывающе бросила я.

– Тогда ты пробила своё очередное дно, Вивиян, – резко ответил он. – Каждый раз ты падаешь в моих глазах всё ниже, маленькая испорченная шлюха.

Я сама не поняла, как моя рука взмыла вверх и со всего размаху приземлилась на его щеке. Его голова дёрнулась, и я почувствовала сильное жжение в правой ладони. Реакция была моментальной. Из моих лёгких выбило весь воздух, когда он, схватив меня за шею, кинул на рядом стоящий диван и наклонился сверху, легко удерживая одной рукой.

– Никогда не смей поднимать на меня руку, – прорычал Алекс, крепче сжимая моё горло.

Он приблизился настолько близко к моему лицу, что я могла рассмотреть каждую мелкую морщинку в уголках взбешённых глаз. Его ноздри были агрессивно раздуты, губы плотно сжаты, а тяжёлый взгляд из-под нахмуренных бровей резал меня тупым ножом на мелкие кусочки. Меня охватил панический ужас, когда я увидела, как в глазах напротив радужную оболочку затопило чернотой едва сдерживаемой ярости. Передо мной закружились чёрные точки, я задыхалась.

– Алекс, – прохрипела я, вцепившись ему в плечо. – Отпусти.

Его рука вмиг ослабила хватку и, отпустив меня, он сделал шаг назад, словно боялся, что придушит меня, если будет стоять ближе. Склонив голову вбок, он тщательно изучал мою шею на предмет повреждений, и на какие-то пару секунд его взгляд скользнул на губы. Этих секунд хватило, чтобы я заметила. Но в следующее же мгновение лицо брата исказилось сильнейшим отвращением и, резко развернувшись, он вышел из гостиной. Я слышала, как хлопнула входная дверь, и взревел мотор машины. Он уехал.

Глава 3.

– Какого чёрта, Ви? – орала мне в трубку Трис на следующее утро так громко, что мне пришлось убрать телефон подальше от уха. – Я не могла дозвониться и целый час искала тебя по дому, пока Джеймс не сказал, что ты свалила домой. Что случилось?

– Всё в порядке. Просто позвонил Алекс, и мне пришлось уехать, – спокойно ответила я, поудобнее устраиваясь на кровати и пытаясь спросонья вникнуть в суть предъявленных претензий.

– Он до сих пор считает себя твоей мамочкой, – фыркнула Трис. – Зря Нейт сказал ему, что ты с нами.

– Вряд ли его можно назвать мамочкой, – усмехнулась я.

На линии раздалось непонятное шуршание.

– Ты что там делаешь?

– Пытаюсь хоть немного привести себя в порядок. Боль такая, словно у меня не одна голова, а все три. Я давно так не напивалась.

– Верю, – негромко рассмеялась я.

– Печально, что твои отношения с Алексом до сих пор натянуты, – вздохнула она.

– Почему это?

– Видишь ли, Нейт не только занимается делами корпорации. За последний год они сдружились и даже ходят на совместные тренировки.

Алекс чуть ли не с пелёнок занимался рукопашным боем, а в дальнейшем стал осваивать лучшие техники ножевого. Его занятие данным видом спорта, лично у меня, вызывало неподдельное удивление, но ему безумно нравилось, и когда в силу нехватки времени вопрос встал ребром, он без раздумий сделал выбор в пользу своих обожаемых лезвий. Я никогда не видела его тренировку вживую, но даже на видео это было рискованно и совсем немного возбуждающе. А когда он выплёскивал свой гнев с помощью метания ножей на заднем дворе особняка, я незаметно подглядывала за ним и приходила в неописуемый восторг от того, как одним рассекающим движением руки он отправлял острую точку стали в середину самого маленького красного круга.

– Нейт и ножевой бой? – скептически усмехнулась я. – Он выглядит как человек, приютивший пятьдесят щенков.

Трис рассмеялась.

– Ты его совсем не знаешь. У него настроение меняется по щелчку пальцев. Бывают моменты, когда рядом с ним я ощущаю себя, будто не в своей тарелке, – разоткровенничалась подруга.

– Хочешь обсудить это? – Я откинула в сторону одеяло, чтобы ощутить лёгкий ветерок со стороны открытой на террасу двери.

– Не сегодня, – ответила она и сразу продолжила: – Крис работает в одной компании с Нейтом, только у него другая специализация, а Энди его двоюродный брат.

– Энди тоже юрист? – искренне удивилась я. – Я думала, он работает моделью, или в стрип-клубе, или что-то типа того.

– Нет, – расхохоталась она. – Он ещё заканчивает колледж, отсюда все эти нескончаемые тусовки. Он сказал не уйдёт оттуда, пока не соблазнит каждую цыпочку с факультета.

– Я не удивлена, – засмеялась я в трубку. – С его возможностями он способен закончить свою великую миссию в срок. А каким ветром занесло туда Джеймса?

– Мм... – В трубке воцарилось недолгое молчание. – Он вроде как встречается с сестрой Энди.

– Вроде как?

– Ладно, месяц назад состоялась помолвка, – нервным голосом раскрыла чужие карты подруга.

Помолвка?! Твою мать! Я соскочила с кровати и начала беспокойно расхаживать по комнате.

– Эй, Ви, ты здесь? – с волнением в голосе спросила Трис. Она знала о моих прошлых отношениях с Джеймсом и, видимо, опасалась говорить правду, не являясь до конца уверенной в том, какой будет моя последующая за этим реакция.

– Эм, да. Мне надо идти, созвонимся позже.

– Подожди, у Энди сегодня... – Но я уже отключилась.

Помолвлены.

Я села на кровать и попыталась разобрать по порядку все испытываемые мной эмоции. Первая – это удивление, быстро переросшее в глухое раздражение. За столько лет он ни капли не изменился. Он и раньше плёл мне сказки о высоких чувствах, которые нужно скрывать в силу понятных только ему одному причин. Но тогда я была моложе и глупее. Заглядывала в рот и верила очередному, даже самому абсурдному, его утверждению. Сейчас подобный спектакль не вызвал бы громких аплодисментов.

Я мысленно перебирала в памяти всё то, о чём мы говорили и что делали в доме у Энди, и на смену раздражению пришла злость. То, как он смотрел на меня, с нежностью и желанием, теперь казалось ненастоящим. Я с горечью осознала, что эта ситуация уязвила меня гораздо больше, чем я вынуждена была признать. Но в большей степени задело не наличие у него невесты, а утаивание данного факта, в то время как его лживый язык хозяйничал в моем рту.

Алекс был прав. Об этом неприятно было даже думать. Он наверняка знал о невесте Джеймса, но по какой-то непонятной для меня причине не рассказал об этом в тот вечер. Берёг мои чувства? Пфф, ни за что не поверю. Должно быть, ждал удобного момента, чтобы обрушить на меня, потрясённую печальным известием, тонну торжествующего злорадства. Это полностью в его стиле.

Но никакого горя не было и в помине. Я никогда не хотела продолжительных отношений с Уильямсом. Это было понятное лишь нам двоим откровенно ложное увлечение, подпитанное разрушительной природой белых кристаллов. На тот момент мне хотелось, чтобы хоть кто-то был рядом со мной. И этим человеком стал Джеймс.

Кроме себя винить было некого. Я хотела, я позволила и, выходит, я виновата. Остаточная струйка разочарования в самой себе развеялась без остатка, когда я, полностью успокоившись и похвалив себя за то, что не оказалась ещё большей дурой, чем могла, твёрдо решила больше никогда не принимать участие в подобных пьесах.

Приняв по-быстрому душ, я села за ноутбук и решила промониторить лучшие танцевальные студии города. Я ждала пока загрузится поисковая страница браузера и думала о том, как простое подростковое хобби переросло в самую настоящую любовь.

Очень много лет я исполняла только классический танец. Мне все всегда говорили, что у меня талант и пророчили большое будущее. Точнее, все, кроме Ричарда. Он всегда считал это временным увлечением и никогда не относился к этому серьёзно, твёрдо пресекая любые разговоры о выборе танца как основной сферы деятельности. Только мама могла противостоять ему. Но мамы не стало, и большое танцевальное будущее не свершилось. Разгульный образ жизни и принудительное лечение отбросили танцы в конец перечня желаемых мной занятий, а позже и исключили вовсе.

Долгое время я не могла отмыться от въевшейся в меня грязи. Я подолгу заставляла себя сидеть под душем в надежде, что смогу смыть её под прохладными струями воды. Я не хотела понимать и принимать, что грязь не снаружи. Она внутри.

Мне нужно было срочно избавляться от угнетающего меня чувства отвращения к самой себе, поэтому в Лондоне в качестве терапии я решила возобновить тренировки. Но классика не привлекала меня как прежде, и мне пришлось попробовать нечто новое. Сходяв буквально на одно занятие по стрип-пластике, я поняла, что хочу продолжать танец совсем возле другого станка. Это стало моей отдушиной. Именно новое увлечение, не переходя рамок приличия, помогло мне заново раскрыть сексуальность и чувственность собственного тела. Только когда я танцевала, я чувствовала себя по-настоящему красивой, свободной и живой. Поэтому вся вульгарщина и пошлость с оттенками явной демонстрации собственной несостоятельности исчезла, всплывая теперь лишь отдельными фрагментами в водовороте памяти.

Просмотрев несколько студий и выделив для себя две, я записала их адреса и планировала посетить их в самое ближайшее время. Но сегодня эмоции требовали выплеска, поэтому, надев чёрный топ и черные лосины и захватив с собой стрипы, я направилась в спортзал.

Яркая вспышка света ослепила меня, когда я нажала выключатель в помещении на цокольном этаже, и мне пришлось немного приглушить освещение, чтобы создать нужную атмосферу.

Три стены были полностью зеркальными. Вдоль одной из них друг за другом выстроились силовые тренажёры. Возле другой лежали гантели и гири. Слева от входа на стене, выкрашенной в мрачный чёрный цвет, висел деревянный стенд, под стеклом которого хранился набор метательных ножей.

На вид это были самые обычные чёрные ножи. Ничего особенного. Но Алекс рассказывал, что лезвия сделаны на заказ из высокопрочной стали, лёгкие и великолепно сбалансированные. Он с ребяческим восторгом в глазах хвастался ими передо мной и показывал на ручках каждого из них выгравированные личные инициалы. Эти воспоминания словно из другой жизни. Почему они до сих пор оставались здесь, а не переехали в его новое место жительства, для меня оставалось загадкой.

Немного разогревшись, я надела стрипы и подключила телефон к колонке, стоявшей в углу. Соответствующие моему настроению мелодичные звуки с отливом грусти блюзовой композиции заполнили зеркальное пространство комнаты.

Это была чистейшая импровизация. Мои мысли отключились, и тело самостоятельно передавало все те грани моей фантазии, которые я желала преобразить во что-то особенному прекрасное.

Я не сразу поняла, что нас двое. Только он не танцевал. Он был неподвижен, словно статуя, а я своими плавными, лишёнными резкости движениями вокруг него пыталась побудить его хоть на малейшую чистую, без всяких предрассудков эмоцию. Подключив весь свой шарм и обаяние, я не останавливалась ни на секунду, словно боялась, что у меня больше не будет шанса привлечь его внимание. У меня сбилось дыхание, а от пронизанной насквозь печалью мелодии защищало в носу, но я упорно продолжала двигаться, полностью растворяясь в придуманном мной образе. Я выложились по полной, задействовав максимум возможностей собственного тела, и сделала сложный переворот, от которого руку насквозь прострелило болью. Но я проигнорировала её и, доделывая завершающее скольжение по блестящему паркету, испытала лёгкое разочарование от того, что мой воображаемый партнёр так и остался непреклонен. Я замерла на коленях и, опустив голову вниз, размеренно дышала. Подобную вариацию я исполняла впервые, и мне бы очень хотелось дать ей необычное название, но в голове, как назло, не было ни одной достойной идеи.

Внезапно я ощутила на себе пристальное внимание и, резко подняв голову, увидела силуэт в отражении позади себя. Я не поднялась и не обернулась. Раскрасневшаяся и немного уставшая, я всё также сидела на коленях и смотрела в зеркало на Алекса, который стоял в проёме, прислонившись бедром к дверной раме, и не сводил с меня глаз. Приблизительно ещё с

полминуты он неотрывно смотрел на меня, а затем, вытащив руки из карманов брюк, лениво похлопал три раза.

– Я впечатлён, – хрипло проговорил он. – В чём смысл?

– Для впечатлённого слишком слабые овации, – ответила я, склонив голову вбок. Неторопливым шагом он подошёл ко мне так близко, что моя голова коснулась его левого бедра.

– Девушка танцует вокруг ледяного принца и пытается растопить его холодное сердце, – с трудом сглотнув нервный ком в горле, пояснила я.

– Растопила?

– Нет.

Уголки его губ слегка дрогнули.

– Плохо старалась.

– Ну, если даже ты не остался равнодушным, значит, не всё так плохо.

– Я хотел поговорить, – сказал он, игнорируя мою последнюю фразу. Окинув меня взглядом, он чуть дольше задержался на моей шее. На ней не осталось абсолютно никаких последствий после нашей вчерашней потасовки. Инстинктивное чувство страха сделало меня слишком впечатлительной. В действительности, он не приложил столько силы, чтобы остались следы.

– Тебе не кажется, Алекс, что сейчас не самое удачное время для разговора, – тихо проговорила я.

Наши взгляды пересеклись в отражении. Он расслабленно стоял, сцепив руки за спиной, а я сидела возле него на коленях и смотрела ему прямо в глаза. Не знаю, что думал он. Я думала, что это до дрожи сексуальная картинка, которую хотелось вытатуировать на стенке моего головного мозга, и, периодически прикидываясь влюблённой дурочкой, прокручивать перед сном. Мне это виделось до мурашек возбуждающе и наталкивало на далёкие от морали мысли.

Он протянул мне руку и, приняв её, я поднялась. Стоя на своих каблуках, я была практически одного с ним роста, что казалось крайне непривычным.

– Удобнее разговаривать, когда ты не на коленях. – Интонация была максимально ровной, с отсутствием любых заигрывающих ноток.

Я впала в лёгкий ступор. Это флирт в исполнении Александра Миллера? Внутренняя стерва ошарашенно захлопала ресницами от двусмысленности произнесённой им фразы.

– Ты прав, Алекс. На коленях обычно стоят не для разговора, – нервно протянула я, неосознанно облизывая пересохшие от волнения губы.

В его глазах появился лихорадочный блеск, и я готова поклясться, что на какой-то краткий миг там пронеслось острое неконтролируемое желание.

Одна секунда. Одно моргание. И мимолётная вспышка похоти растворилась в пугающе бездонной глубине льдистых глаз. Словно моё воспалённое сознание придумало параллельную реальность, в которой стоящий передо мной Алекс смотрел на меня, испытывая непреодолимое влечение. С ощущением лёгкой досады я вынуждена была признать, что в существующей действительности маска раздражающего спокойствия и высокомерия была по-прежнему на законном месте.

– Хорошая попытка, Вивиан, – скривился он. – Но абсолютно безнадёжная. Я понимаю, отказаться от пагубных привычек сложно. Но не стоит путать меня с Уильямсом.

Упоминание Джеймса неприятно кольнуло.

– Ты знал?

Он свёл брови к переносице и задумчиво рассматривал моё лицо, мысленно пытаясь сложить нужный пазл, и когда у него получилось, его губы растянулись в широкой насмешливой улыбке, которую так и хотелось стереть с его надменной физиономии.

– А, ты о его невесте, – издевательски растягивая слова, сказал он, явно получая удовольствие от сложившейся ситуации. – Хлоя потрясающая. Вся такая милая и нежная. Уильямс её недостойн.

Я сжала руки в кулаки, но промолчала. У него снова получилось меня задеть. Я никогда не слышала, чтобы Алекс называл кого-то потрясающим. В крови забурило что-то тёмное, отдалённо напоминающее ревность.

Не услышав моих комментариев и открыто наслаждаясь произведённым эффектом, он продолжил:

– На мой взгляд, Джеймс больше подходит таким как ты. Вы не будете требовать друг от друга верности. Насколько я слышал, вы с ним любили эксперименты, – он выжидательно уставился на меня, будто ждал официальных опровержений с моей стороны.

Стальной обруч из скрытой злости сдавил грудь будто тисками. Мне хотелось войны. Хотелось снять эти долбаные стрипы, от которых неимоверно затекли ноги и воткнуть каблук ему в самое сердце, если вообще до него возможно добраться сквозь толщу льда. Внутренняя стерва достала огнетушитель и жалостливо упрасивала остыть. Маленькая сучка была к нему равнодушна и портила мне все планы.

– Смотря, что ты подразумеваешь под экспериментами, Алекс, – сухо сказала я. – БДСМ, групповуха, что конкретно?

Он молчал. Молчал и прожигал меня своим убийственным взглядом.

– Если ты собираешься испепелить меня глазами, то спешу заверить, ничего не выйдет. Зачем пришёл?

Алекс, ещё пару мгновений, очевидно, сомневался, стоит ли продолжать весь этот диалог, но потом его лицо расслабилось, и он абсолютно бесстрастным голосом сказал:

– Сегодня у Энди день рождения. В девять часов в Soho. Тебя отвезёт Рик. А прямо сейчас поднимись к отцу в кабинет, – и не дожидаясь моего ответа, быстрым шагом вышел из зала, оставив после себя длинный шлейф недосказанности.

Тяжёлые бархатные портьеры тёмно-зелёного цвета были плотно закрыты и не пропускали ни одного лучика света. В приглушённом свете позолоченных ламп обстановка кабинета выглядела по-настоящему царственно, а от количества вензелей на синих обоях рябило в глазах. Большую часть пространства занимал массивный т-образный стол из красного дерева, за которым по обе стороны от него располагались двусторчатые деревянные шкафы со стеклянными дверцами, полностью заполненные книгами. Между ними висела знакомая картина великого художника Караваджо – «Смерть Марии».

Ричард утверждал, что это произведение поражало своей эмоциональной силой и добиралось до самых глубин его души. Во мне это трагичное зрелище всегда вызывало лишь скорбь. Я не знала, оригинал это или копия бесподобного качества, но купил он её сразу после смерти мамы, и с тех пор картина никогда не покидала стен этой комнаты.

В кабинете стояла абсолютная тишина, разбавленная лишь шуршанием листов бумаги, просматриваемых хозяином дома. Я оторвалась от созерцания этого «позитивного» творения и взглянула на Ричарда. Сложив документы в папку, он убрал её в ящик стола и, откинувшись на спинку кресла, обтянутого чёрной кожей, посмотрел на меня. Расслабленная поза никак не сочеталась с цепким взглядом холодных глаз. Рядом с ним всегда было странное чувство, будто он, прежде чем принять то или иное решение, ментально прощупывал почву.

Сейчас от него волнами исходили уверенность и превосходство. Его власть распространилась далеко за пределы Нью-Йорка, а его многомиллиардная корпорация Miller Health Corp. являлась одной из самых успешных и престижных в Америке. Туда практически невозможно

устроиться обычному человеку, а попасть туда на стажировку после университета один шанс на миллион.

Я склонила голову вбок и слегка улыбнулась. Всемогущий аристократ. Если пустить ему кровь, она будет голубой?

Слева от него в кресле сидел Алекс. Он задумчиво крутил в руках ручку и очень правдоподобно делал вид, что меня здесь нет. Что ж, ничего нового.

– Присаживайся, – сказал Ричард, указывая на кресло по правую руку от него. Я послушно села и, закинув ногу на ногу, положила руки на деревянные подлокотники кресла.

Ричард опёрся локтями о стол и, скрестив пальцы перед собой, произнёс:

– Я позвал тебя, чтобы поговорить о твоём будущем, Вивиан. Я не в курсе твоих дальнейших планов, но хочу, чтобы ты работала в компании.

В этом весь Ричард. Он всегда считал, что его решение здесь единственное верное. Но не могу сказать, что его предложение меня удивило. Все члены его семьи должны быть в зоне видимости и, желательно, под чётким контролем. Обдумывая свой ответ, я начала нервно постукивать кончиками пальцев по твёрдой поверхности, издавая даже, по моему мнению, раздражающий звук.

– Она дизайнер интерьеров, о чём ты вообще думаешь? – раздался с почти неуловимыми оттенками недовольства невозмутимый голос брата.

– Хоть её образование и не отвечает предпочтениям нашей компании, я уверен, ты сможешь всё устроить. Пусть начнёт с малого.

– Хочешь, чтобы она носила мне кофе? – насмешливо протянул Алекс, так и не удостоив меня даже малейшим вниманием. Кажется, эту идею он находил вполне привлекательной.

Ричард его веселья не разделял.

– Не говори ерунды.

– А что ты предлагаешь? – уже открыто раздражался Алекс, откидывая замученную ручку в сторону. Подавшись вперёд, он положил локти на край стола и в упор посмотрел на отца. – У неё совсем нет опыта. Я даже не знаю уровень её знаний. Мы не виделись много лет, и я не забыл о её прошлых привычках. Я считаю, что нужно устроить её в компанию мелких партнёров и посмотреть на результат. В связи с предстоящим назначением я сильно занят, и даже если бы у меня была хоть капля свободного времени, я не стал бы играть в няньку.

– Я тебя услышал. Но она твоя сестра, а, как правило, члены нашей семьи имеют некоторые привилегии, согласен? – Этот снисходительный тон нервировал даже меня.

Алекс промолчал, вернув лицу полностью бесстрастное выражение.

– Это, конечно, все замечательно, что вы решаете моё будущее без меня, – решила я наконец вмешаться и прекратить этот бессмысленный спор. – Но я не хочу работать в компании.

Брови Алекса удивлённо поползли вверх, и он, расслабившись, откинулся на спинку кресла, с довольной ухмылкой смотря на нахмуренного отца. В его взгляде явно читалось: «И что ты теперь придумаешь?».

– Объяснись, Вивиан.

– Точнее, я не хочу ограничиваться только работой в компании. Я не просто так училась на дизайнера интерьеров. Мне нравится. Я хочу продолжить этим заниматься. В этом городе осталось много знакомых, далеко не бедных знакомых, которые часто приобретают новые объекты недвижимости, строят гостевые дома и так далее. Да что говорить, – усмехнулась я, – вы сами живёте в замке на десятках гектаров. Поэтому без работы я не останусь. Но поскольку я занималась дизайнами не только жилых помещений, то я могу выполнять определённого рода проекты для компании. Чертежи, схемы, визуализации. Я покажу вам своё портфолио, чтобы вы убедились, что в этом вопросе мне можно доверять. А дальше, я могу создавать дизайн-проекты новых офисов корпорации, любых служебных помещений или, – я одарила Алекса самой профессиональной улыбкой, на которую была способна, – нового кабинета президента.

Он иронично выгнул бровь, показывая, что мне нужно очень сильно постараться, чтобы получить возможность попасть в его кабинет.

– Я хочу свободу выбора, и, если поступит интересный заказ со стороны, я не буду отказываться, – закончила я.

Отчим молчал.

– Ричард, подумай, – настаивала я. – Я не финансист и не управленец, я творческий человек. Но если ты хочешь, чтобы я принимала непосредственное участие в делах корпорации, то я готова, но только в той сфере, которая мне нравится, и в которой я разбираюсь. Может, в дальнейшем я захочу большего.

Тишина длилась пару минут. Старший Миллер сидел с таким лицом, будто придумывал стратегический план по захвату мира. Я продолжала всё также нервно стучать пальцами по подлокотнику кресла, на что Алекс, уже не вытерпев, велел мне прекратить.

– Хорошо, – согласился он спустя, казалось, вечность. – Пусть пока будет так. Алекс, устрой всё.

Брат только слегка кивнул, непонятно было по его лицу насколько он ошарашен этой новостью.

– Ещё мне нужна машина, я не хочу везде таскать с собой Рика, – сказала я.

Ричард устало потёр пальцами виски, будто у него от нас болела голова.

– Возьми пока одну из машин Алекса в гараже ...

– Нет!

– Алекс...

– Я сказал – НЕТ!

Они зло сверлили друг друга взглядами, и по неумолимому выражению лица брата было понятно, что в этом вопросе он уступать не намерен. Я боялась даже предположить, что за бесценные сокровища стояли у него в гараже, если он был настолько категорично настроен. Ричарду пришлось уступить.

– Пока будешь ездить с Риком. Я распоряжусь, чтобы тебе подобрали что-то комфортное.

В дверь постучали, и после раздражённого «да», в кабинет вошла Глория и быстрым шагом прошла к столу.

– Мистер Миллер, прошу прощения, что прерываю. – Она протянула ему конверт. – Сегодня доставили, просили передать вам лично в руки.

Ричард забрал его и задумчиво рассмотрел со всех сторон. Он был абсолютно чистым, если не считать жирную цифру один, каллиграфически выведенную в середине белого прямоугольника. Никаких подписей, марок или обратного адреса.

– Это что? – настороженно спросил Алекс, когда Глория вышла за дверь.

– Без понятия, – последовал ответ.

Ричард вскрыл конверт и, развернув листок бумаги, бегло пробежал глазами по написанному. В следующее мгновение его лицо побледнело, глаза расширились, а губы сжались в плотную линию. Одной рукой он сильно вцепился в край стола так, что побелели костяшки пальцев, а другой, откинув смятый листок в ящик, схватился за идеальный узел галстука и, ослабив его, стал поворачивать голову из стороны в сторону, будто ему тяжело было дышать. На широком лбу, обрамлённом тёмными, идеально уложенными волосами, выступили бисеринки пота. Его грудь резко вздымалась, и он, находясь в собственных мыслях, не слышал, как Алекс окликнул его несколько раз. Образ невозмутимого миллиардера трещал по швам.

Опустив голову и уперев ладони в стол, он размеренно дышал, стараясь вернуть прежнее самообладание.

– Оставьте меня, – прохрипел он.

– Отец, что...

– Я сказал, оставьте меня! – резко поднимая голову, прорычал Ричард.

Напряжённно смотря в его лицо, я наблюдала, как лёд в его глазах растрескался, и сквозь трещины просочилась поразительная для него эмоция, больше напоминающая страх. *Интересно.*

Переглянувшись с крайне встревоженным братом, мы поднялись и молча вышли из кабинета.

Алкогольные пары, подпитанные кальянным дымом, плотным облаком осели в тёмном помещении клуба. В свете софитов и разрезающих пространство лазерных лучей можно из полумрака выхватить отдельные лица людей,двигающихся на танцполе как поломанные куклы. Для человеческого глаза резкие вспышки стробоскопа и отблески бегающих огней обладали замедленным действием, и мне пришлось несколько раз проморгаться, пока я вслед за Нейтом поднималась по лестнице на верхний этаж ночного клуба.

Я поправила съехавшую на плечо тонкую бретельку платья.

На день рождения Энди я собиралась с особой тщательностью. Зная, что там будут и Джеймс, и Алекс, я хотела превзойти саму себя. Возможно, это глупо, но я должна была быть максимально уверена в себе, чтобы ни одна живая душа не смогла найти брешь в моем защитном панцире. А, по моему мнению, первая линия обороны – это идеально подобранный образ.

Мой выбор пал на короткое чёрное платье на тонких бретелях, которые переходя на спину сплетались крест на крест и чёрные открытые босоножки на тонкой шпильке. Волосы я собрала в высокий объёмный хвост, оставив спереди две вьющиеся пряди. Образ завершала матовая красная помада, сочетающаяся по цвету с ногтями и маленький чёрный клатч.

Преодолев последнюю ступеньку, я подошла к металлическим перилам и посмотрела вниз. Стоило признать, что со второго яруса открывался превосходный вид на первый этаж, откуда я без особых помех смогла рассмотреть обстановку Soho Club.

Главным украшением зала были массивные золотистые колонны, оплетённые до самого потолка красными ветвями декоративных деревьев. Половину первого этажа занимали расставленные стеклянные столики, с обитыми красным бархатом диванами. На второй половине зала располагался большой танцпол. Повисшие над ним разукрашенные акробаты в свете мощных фонарей поражали возможностями своего тела. Признаться, я засмотрелась, как полностью покрытая серебряной краской девушка висела вниз головой в нескольких метрах от пола и кружилась в гипнотическом ритме, держась за металлическое кольцо только одной ногой.

Нейт окликнул меня, и я прошла за ним в отдельную закрытую комнату. Музыка стихла и осталось лишь отдалённое её звучание на фоне разговоров собравшихся гостей. Я думала, приглашённых будет гораздо больше, но, на удивление, я уже со всеми была знакома, за исключением двух девушек и одного парня. Я поздравила именинника с днём рождения и он, не упустив шанса, сказал, какая я привлекательная цыпочка, и что он все ещё ждёт приглашение на оргазм. «Виновник вечера» сообщил, что мы можем заказывать всё, что хотим, и мы с Трис приняли стратегически важное решение: пить текилу.

Энди исполнился двадцать один год. Но когда Крис рассказывал очередную дурацкую истории из его детства и его щёки покрывались очаровательным румянцем, выглядел он на все семнадцать. Он постоянно перебивал и мило возмущался, отчего его по-детски надутое выражение лица невольно вызывало смех.

Буквально минут через десять после меня пришёл Джеймс. И пришёл, конечно же, не один. Хлоя была женской копией Энди. Очень привлекательная блондинка невысокого роста с голубыми глазами, пухлыми губами и вздёрнутым маленьким носом. Маленькая принцесса из розовой книжки про единорога, которая была у меня в детстве.

Сюжет этой книги был до банального прост. Красивая добрая девочка любила каждую бактерию в этом мире и совсем не знала о зле, творящемся в соседнем государстве. Злая кол-

дунья, конечно же, из зависти заколдовала невинную девочку, заперев навсегда её в холодном замке, а её розового единорога превратила в камень. Молодой принц чуть ли ни с другой планеты прискакал на своём вороном коне и спас её. Принцесса сразу влюбилась в своего героя и простила злую ведьму, потому что была наивной идиоткой. Почему этот бред разрешают читать детям?

Отвлёкшись от нелепых сказок и присмотревшись к ней получше, я поняла, что она полная противоположность своему брату. В отличие от общительного и развязного Энди, она была очень милой, скромной и скупной.

Отношение Джеймса к ней мне было довольно сложно оценить, но что она влюблена в него до кончиков волос было видно невооружённым глазом. Нежная улыбка, ласковые прикосновения, в глазах сердечки – всю эту приторную картину я наблюдала с натянутой улыбкой на губах.

С каких пор я стала такой циничной? Наверное, с тех самых, как один небезразличный мне человек одарил её незаслуженными комплиментами, когда мне от него всегда доставалось лишь презрение.

Решив, что мне пора проветриться, я спустилась на первый этаж и прошла по узкому коридору, подсвеченному необычными пурпурными лампочками, создающими эффект фиолетового дурмана. Человек, спроектировавший этот клуб, явно не страдал отсутствием фантазии и, возможно, расслаблялся по выходным, покуривая травку.

Подправив макияж в дамской комнате и помыв руки, я открыла дверь и сразу наткнулась взглядом на Джеймса. Он стоял напротив возле стены и, сложив руки на груди, очевидно, ждал меня.

Я не сопротивлялась, когда он, схватив меня за руку, потащил дальше по коридору. Остановившись возле двери, на которой висела табличка «Только для персонала», он прижал меня спиной к стене и, расставив руки по обе стороны от моей головы, пытливо посмотрел мне в глаза.

– Тебе стоит сбавить обороты, – чётко проговорил он. – Ты быстро напиваешься.

Эта ситуация, насквозь пропитанная фальшивой заботой, была настолько абсурдной, что я искренне рассмеялась.

– Ты перепутал меня с Хлоей? На мой взгляд, мы совсем не похожи.

– Блять, – выдохнул он. – Я всё объясню.

– Здесь нечего объяснять, Джеймс. Тебе стоит отойти от меня на пару шагов назад, а ещё лучше подняться наверх и занять место рядом со своей невестой.

Он будто не слышал меня. Он перевёл взгляд на мою шею и легко коснулся её тыльной стороной ладони. Нежно проведя ей снизу-вверх, он медленно очертил мою скулу и заглянул мне в глаза. Не получив от меня никакой реакции, он придвинулся ближе, и его губы оказались в опасной близости от моих.

– Что ты со мной делаешь? – Тёплый воздух с запахом виски и мяты коснулся моего рта.

Что я с ним делаю? Ничего. Я выставила руку вперёд, чтобы он больше не сокращал расстояние между нами.

– Алекс был прав насчёт тебя. – Эта чёртова текила развязала мне язык. – Ты любишь использовать людей, Джеймс. Сейчас мне это не интересно. Да, был неплохой секс, – я скривила губы в усмешке, – местами. Но на этом всё. Ты помолвлен, а у меня новая жизнь.

В душе я понимала, что переборщила, но алкоголь во мне просто умолял устроить драму, а внутренняя стерва аплодировала стоя. По ходу, она тоже никогда его не любила.

После моей пренебрежительной речи он ощутимо напрягся, и я почувствовала, как руки возле моей головы сжались в кулаки. Глаза почернели и стали напоминать бездонные бочки с густым мазутом. Он что, под кайфом? Стало слегка не по себе, но он меня не пугал. Только

один человек в мире был способен вызвать во мне страх, и как бы я не обманывала себя в третий, четвёртый, да хоть сотый раз, я ждала только его.

– Расслабься, Джеймс, – уже более миролюбиво продолжила я. – Всё нормально. Мы не виделись пять лет, у каждого своя жизнь. Просто во избежание неловких знакомств, стоило мне сообщить, что ты не свободен до того, как твоя рука залезла ко мне в шорты.

Я чересчур прошлась по его самолюбию, потому что поцелуй, которым он, словно животное, вгрызся в мои губы, был больше похож на наказание, чем на необузданную страсть. Принцесс из розовых книжек так не целуют. Скорее, так целуют шлюх. Агрессивно и зло. Он прокусил мне нижнюю губу, и я почувствовала солёный вкус на языке. Я не испытала и толики удовольствия. Только боль и гнев.

– Какого хрена?! – зарычала я и со всей силы оттолкнула его.

В бешеных глазах напротив не было ни намёка на осознанность. Он не двигался, но яростно пульсирующая жилка на его шее, сжатые кулаки и тяжёлое дыхание доказывали мне, что он зол. Очень зол. Я не хотела усугублять ситуацию.

– Останься здесь и приди в себя, – ровно сказала я и, развернувшись, направилась к злосчастной лестнице на второй этаж.

Я очень быстро перебирала каблуками по подсвеченным неоновым светом ступеням. Пройдя мимо балкона, на котором держась за металлические перила дёргались полуголые девицы, я подошла к чилауту и толкнула дверь. Я почувствовала его присутствие ещё до того, как увидела. Моё тело, как радар, среагировало на близость Алекса. Среди всех гостей мой взгляд сразу выцепил его силуэт в приглушенном свете комнаты.

Сегодня я дала бы ему сто из десяти. Белая лёгкая рубашка, расстёгнутая сверху на несколько пуговиц, демонстрировала привлекательный обнажённый треугольник кожи. В тон подобранные брюки, расслабленная поза и лёгкая улыбка на губах, адресованная рядом сидящему Крису, который что-то рассказывал ему, оживлённо размахивая руками.

Маленькая стерва с разбега плюхнулась к нему на колени и, запустив пальцы в мягкие волосы, прижалась к его губам, сразу перехватывая инициативу и исследуя языком все уголки этого порочного рта. Эта воображаемая картина всего на пару секунд снесла к херам моё хваленое самообладание. Низ живота болезненно свело, и мне захотелось воплотить эту фантазию в реальность.

– Это, что кровь? – раздался сквозь вакуум встревоженный голос Трис. Она соскочила с дивана и растерянно смотрела на мою прокушенную губу.

Чёрт. За всеми этими ненормальными мыслями я совсем забыла про этот инцидент. Я снова перевела взгляд на Алекса. Отлично. Теперь всё его внимание безраздельно принадлежало мне. Идиотка.

Он поднялся и подошёл так близко, что аромат, исходящий от него, забился мне в ноздри, затуманивая моё и без того слегка поплывшее сознание. Может, он специально пользовался возбуждающими феромонами, иначе я не могла объяснить, почему рядом с ним реакции моего тела не поддавались контролю.

Внимательно посмотрев на мою губу, он взял со стола стопку текилы и, проведя по её солёному контуру пальцем, полностью погрузил его в содержимое. Я расширенными глазами смотрела, как его большой палец с привкусом горькой Мексики приближался к моему рту, и внутри взорвался мощнейший фейерверк всевозможных чувств, когда мои губы обожгло солью и теплом его кожи.

– Надо было продезинфицировать, – просто сказал он, убирая руку от моего лица, пока я внутренне тряслась от желания облизать его палец сверху до низу.

Алекс не спешил отходить, и мы смотрели друг на друга ещё несколько мгновений, пока по всем канонам жанра так не вовремя вернувшийся Джеймс не разрушил всю атмосферу интимного момента. Уильямс не спешил садиться за стол и, стоя в паре-тройке шагов от нас,

напряжённо взирал на Алекса, будто чего-то ждал от него. Алекс лишь окинул его безразличным взглядом, и когда никакой больше реакции не последовало, Джеймс слегка кивнул ему в знак приветствия и, пройдя к дивану, занял прежнее место рядом с Хлоей.

Я облегчённо вздохнула, когда поняла, что кроме моей подруги никто даже не обратил внимания на эту не поддающуюся никакой логике ситуацию. Все были заняты более интересными вещами. Стоящая рядом со мной Трис непонимающе хлопала глазами, но потом, взяв себя в руки, громко заорала:

– Так, народ, пора выпить за именинника!

Алекс вернулся на место рядом с Крисом, а я села рядом с Трис. Изрядно выпивший Энди начал толкать речь о том, как он любит своих друзей, своих родителей и всю планету в целом. Я его практически не слушала. Летала мыслями вокруг сидящего неподалёку моего брата. Сексуального до дрожи в коленках брата. Это клиника.

Но если я думала, что его сомнительно великодушный жест что-то между нами менял, то спустя двадцать минут я убедилась в обратном. Алекс был само очарование. Он отпускал какие-то несвойственные ему шуточки, смеялся и общался со всеми, кроме меня. Не разговаривал и даже не смотрел в мою сторону. Если бы не подруга, я чувствовала бы себя до смешного одинокой в такой большой компании. Обида горьким комом встала поперёк горла, и я запила её очередным шотом, посыпанным солью.

– Может, стоит закусить? – озабоченно спросила Трис.

Я не успела ей ответить, потому что услышала следующее.

– Хлоя, я слышал, ты недавно защитила диссертацию? – с искренним интересом в голосе спросил Алекс. Я удивлённо посмотрела на него. Что за тон?

– Да. – От её милой улыбки у меня свело зубы. – Я долго её писала, всё-таки очень актуальная тема для нашего общества. Информации слишком много.

– Что за тема? – вклинился в их разговор Крис.

– «Молодёжная наркомания в трансформированном американском обществе: состояние и пути её решения».

Я так и замерла с лаймом в руке и не могла поверить, что он случайно завёл эту тему. Я была уверена: он знал. Джеймс напротив тоже напрягся. У меня возникла мысль, что его невеста однозначно не в курсе его прошлых увлечений. Он что, не знал тему её диссертации?! Или просто опасался, что Алекс выкинет что похуже?

– Прекрасный выбор, Хлоя, – бархатным голосом похвалил её Миллер.

Я сильно сжала руку в кулак, до боли впиваясь ногтями в нежную кожу ладони.

– Тема действительно очень актуальная. Половина современной молодёжи шлюхи и наркоманы. Ты не принесёшь пользу сгнившей части общества, но, вполне возможно, спасёшь другую.

– Спасибо, Алекс, мне очень приятно. – Тёплая улыбка коснулась её губ, и она смущённо опустила глаза в пол.

Меня сейчас стошнит.

Пульс резко подскочил и забился пронзительной сиреной в моих ушах, а в недрах души зародилось нечто чёрное и склизкое. Оно разрасталось с неимоверной скоростью и готово было поглотить всё живое на своём пути. Я отложила в сторону дольку лайма и приложила ладонь в область груди, будто боялась, что оно вырвется на свободу.

Он хотел унижить меня и Джеймса и сделал это очень тонко. Одним выстрелом – две мишени. Bravo, Алекс. Я бы похлопала ему стоя, но всё, что я хотела, это запустить чёртову стопку ему в голову, а этой милой до скрипа зубов Хлое выдрать все патлы.

Беатрис, чувствуя, что я на грани, в успокаивающем жесте положила мне руку на ногу и, наклонившись ко мне, прошептала:

– К черту их всех, пошли танцевать.

Я не хотела танцевать, но и позорно сорваться при всех и испортить день рождения мне хотелось ещё меньше. Пока Трис, повернувшись к Нейту, рассказывала ему о наших планах, я выпила ещё одну стопку, всячески игнорируя обжигающий взгляд со стороны. Я больше не хотела его и не хотела на него смотреть. Он будто окунул меня в ведро с ледяной водой и привёл в чувство, развеяв все наивные мечты. Даже внутренняя стерва не смогла найти ему оправданий и, отвернувшись к стенке, тихо всхлипывала от незаслуженного унижения.

Мы с Трис спустились вниз. Она хотела обсудить то, что сейчас произошло, но я лишь махнула рукой и предложила поговорить в другой раз. Я боялась, что от наших откровенных разговоров я не смогу сдержаться и жалко разревусь. Мне даже себе было сложно признаться, что он, не напрягаясь, прорвал сразу несколько линий моей обороны.

На танцполе было не протолкнуться. Десятки взмокших тел извивались под динамичную музыку в ультрафиолетовой дымке прожекторов, но с каждой новой стопкой и новой песней, я всё больше входила во вкус. Картинка передо мной размазалась, и я не могла сфокусироваться на чём-то конкретном. Мои движения становились менее контролируемыми и более развязными. Мы с Трис периодически исполняли эротический дуэт сомнительного качества, обнимались и шептались на ухо друг другу что-нибудь непристойное про окружающих нас парней.

Недалеко от нас за столом сидела привлекающая внимание шумная мужская компания. Я ещё минут пятнадцать назад заметила, что один из них, вальяжно развалившись на диване, не сводил с меня глаз. Не сказать, что меня это как-то напрягало. Наоборот. Раз Алекс всегда видит только мои недостатки, то демонстрировать свои достоинства я буду другим.

– Я больше не могу, – простонала Трис, повиснув на мне как обезьянка. – У меня ноги гудят. Я пошла посижу немного. Ты со мной?

– Иди без меня, скоро поднимусь.

Запыхавшаяся и раскрасневшаяся Трис ушла наверх. Я не планировала идти за ней, потому что ещё одну подобную выходку проигнорировать я буду не в силах. Поэтому, приняв курс на бар, я пробралась сквозь разгорячённую толпу и, подойдя к стойке, уселась на высокий стул. Подав знак одному из барменов, я принялась рассматривать красиво расставленные на полке прозрачные бутылки с ярко-красной жидкостью. На них не было этикеток, но они идеально вписывались в интерьер и, скорее всего, были декоративной задумкой дизайнера.

В поле моего зрения попал один «старый пень», сидящий на противоположном конце бара. Он мерзким похотливым взглядом рассматривал танцующих рядом с ним молодых девчонок. Его ужасно длинные усы каждый раз мерзко подрагивали, когда юные дарования совершали особо провокационные движения. Я скривилась. Извращенец.

– Ты потрясающе танцуешь, – приятный мужской голос раздался справа от меня. Высокий симпатичный брюнет из той шумной компании, наблюдавший за мной некоторое время, сел рядом и с нескрываемым интересом разглядывал меня. – Я за тобой наблюдал.

– Я заметила, – соблазнительная улыбка заиграла на моих губах.

– Итан, – представился он, протянув мне ладонь в знак приветствия, и я с удовольствием вложила в неё свою.

– Вивиан. Но друзья зовут меня Ви.

– А мы уже друзья? – понизив голос, спросил он, лениво поглаживая моё запястье.

От ответа меня избавил подошедший бармен. Итан с явной неохотой отпустил мою руку и, уточнив у меня, что я буду пить, сделал заказ. Мне принесли текилу, ему виски со льдом. Я понимала, что эта порция будет лишней, но благодаря одному высокомерному придурку, стоп-сигналы сегодня вышли из строя.

Выпив за знакомство, он принялся рассказывать, что у его друга скоро свадьба, и сегодня они отмечают мальчишник. Ему двадцать шесть и у него своя компания по производству и продаже светотехники. Я удивилась, что он всего на год старше Алекса. Выглядел он гораздо

взрослее. У него была достаточно привлекательная внешность, и он умел себя вести. Не делал никаких пошлых намёков и не нарушал моё личное пространство. Меня это вполне устраивало.

– Скажешь свой номер? – неожиданно спросил он.

– Без проблем, – пожала я плечами, зная наперёд, что ничего из этого не выйдет. Он мне нравился, но рядом с ним моё сердце не совершало немыслимые кульбиты, а дыхание оставалось равнодушно ровным.

Итан достал телефон и, открыв контакты, посмотрел на меня. Его взгляд не задержался на мне и практически сразу переместился куда-то мне за спину.

– Мы уезжаем, – прозвучал знакомый повелительный тон, и на моё плечо легла твёрдая рука. Алекс предупреждающе сжал пальцы, и обжигающий жар от его ладони вмиг распространился по всему моему телу.

Итан хмуро посмотрел на чужую руку на моем плече и вопросительно поднял бровь.

– Это мой брат, – пояснила я и перевела свой взгляд на Миллера. – Хорошей дороги, – безразлично бросила я ему и, отвернувшись, начала диктовать новому знакомому свой номер.

– Ты не поняла, – одёрнул меня Алекс, так и не дав договорить. – Ты едешь со мной.

Он схватил меня выше локтя и грубо дёрнул на себя. В голову резко ударила выпитая текила. И если бы не его железная хватка, я бы позорно распласталась прямо у его ног. Я понимала, что перебрала, но внутренняя обиженная стерва не давала сдаться без боя.

– Не поеду, – упрямилась я. Язык заплетался, но я чётко старалась выговорить каждое слово. Судя по его злому лицу, у меня не особо получалось. – Точнее, поеду, но не с тобой, – воинственно задрал подбородок, я словила небольшую порцию головокружения. Моя гордость всячески противилась его приказу, и мне пришлось открыто блефовать, чтобы хоть немного отсрочить ожидающее меня поражение.

Хватка на руке усилилась, и я была уверена, что мысленно он уже тащил меня за волосы через весь клуб. Между нами летали смертоносные искры, пока он давил на меня своим яростным взглядом и несокрушимым авторитетом. Ещё чуть-чуть и один из нас проиграет этот бой. Я даже знала, кто именно.

– Парень, – неожиданно позвал Итан, о котором я уже успела забыть. Он поднялся со своего места и напряжённо смотрел на Алекса. – Не знаю, какие у вас проблемы, но, очевидно, Ви. – Алекса передёрнуло от моего сокращённого имени. – Не хочет с тобой идти. Отпусти её.

Внутренняя малолетняя дрянь радостно завизжала: «Драка!». Но я сразу велела ей заткнуться.

Алекс, не отпуская меня, нехотя повернулся к моему доблестному защитнику. Он хорошо держал себя в руках, но даже сквозь алкогольную дымку сложно было не заметить, как он острым, как лезвие, взглядом полосовал своего противника.

– Слушай сюда и запоминай.

От льда в его голосе у меня только пар изо рта не пошёл.

– Никогда не лезь в диалоги, которые тебя не касаются, а это именно тот диалог, если ты не понял. Телефон ты её не получишь, и никогда больше её не увидишь. Это я тебе гарантирую. Поэтому, давай не будем портить этот прекрасный вечер никому не нужной дракой из-за девушки, которую ты знаешь пять минут. Иди и развлекайся, ещё есть время найти другую.

Итан зло прищурился.

– Тебе не знакомы манеры. Научить?

Алекс иронично усмехнулся и принял более расслабленную позу. Складывалось впечатление, что вся эта ситуация начала его забавлять.

– Попробуй.

– Выйдем?

– Алекс, – взволнованно позвала я брата, потянув его за край рубашки.

– Закрой рот, – последовал жёсткий ответ, пресекающий любые мои жалкие попытки помешать назревающему конфликту. Все мои воинственные намерения необъяснимым образом испарились. Мне стало страшно. За Итана.

– Вам обоим нужно остыть. – Чудом появившийся Нейт вызвал во мне чувство невероятного облегчения. Он точно не допустит никакой драки. – Вы же в курсе, что за избиение дают до шести месяцев тюрьмы? – обратился он к обоим, но смотрел только на Алекса. В его глазах читалось явное предупреждение. – Вы, конечно, можете откупиться. – Махнул он рукой, словно говорил не о коррумпированной власти, а о покупке яблок. – Но за нанесение особо тяжких телесных, – он сделал сильный акцент на слове «особо», – вы не отделаетесь штрафом. – И подойдя ближе к Алексу, уже тише добавил: – Придётся заминать в прессе. Не создавай лишних проблем. Поезжайте домой, я разберусь.

На Алекса речь Нейта не произвела никакого впечатления.

– Значит так, – обратился он к Итану. – Сейчас я вынужден увезти пьяную сестрёнку домой. Но если, скажем, – он посмотрел на часы, прикидывая что-то в своей голове, – через час у тебя не пропадёт желание преподать мне урок, позвони мне. Обещаю ответить, – он предвкушающе улыбнулся. – И у тебя будет шанс показать себя. Возможно.

Голос брата сочился нескрываемым сарказмом, и вмиг помрачневший Нейт посмотрел на него с немим укором в глазах. Итан же весь полыхал от злости. Его ноздри грозно раздулись, и он, сжав руки в кулаки, сделал резкий шаг по направлению к нам.

– Сейчас не время, – сказал Элфорд, удерживая его за плечо. – Я дам тебе его номер.

Итан резко повернулся к что-то ещё говорящему ему Нейту, но я уже не могла разобрать ни слова, потому что Алекс, усилив хватку на моей руке, потащил меня на выход.

С трудом пробравшись сквозь неадекватную толпу малолеток, не попавших в клуб, он быстрым шагом направился к чёрному Escalade, припаркованному недалеко от входа. Мне буквально пришлось бежать за ним, и я, пару раз споткнувшись, попросила его немного сбавить темп. Он словно меня не слышал. Не церемонясь, он грубо толкнул меня на переднее сиденье внедорожника и громче положенного хлопнул дверью. Обогнув капот машины, он открыл водительскую дверь и сел за руль. Он что, совсем не пил?

До самого дома мы ехали в полной тишине. Затёкшая рука раздражающе ныла, и я с завидным упорством растирала её, надеясь, что на ней не останется синяков. В бардачке я очень удачно нашла бутылку воды и жадно выпила всю, ни глотка не предложив охреневшему Миллеру. Я бросала осторожные взгляды в сторону водительского кресла, но Алекс смотрел только на дорогу и за всю поездку не проронил ни слова.

Когда мы вошли в холл особняка, я уже немного отрезвела и в глазах перестало двоиться. Сняв босоножки, я подошла к лестнице и уже хотела сделать шаг на первую ступень, как, резко передумав, развернулась. Я ожидала очередных нравоучений, оскорблений, да хоть чего-нибудь, но полное отсутствие реакции удивило меня гораздо больше.

Алекс стоял посреди вестибюля и держал в руках телефон. По мигающему дисплею я поняла, что ему поступил звонок, но он не спешил его принимать и, отключив вызов, посмотрел на меня. Кто ему звонил в такое время? Я надеялась, что не Итан.

– Иди спать, – сказал он, видя мою заминку.

– Ты заранее знал тему её диссертации? – Мне нужно было убедиться в своих предположениях или, что ещё лучше, услышать опровержение.

– Да.

Я прикрыла глаза. Он даже не пытался отрицать.

– Зачем?

Он молчал.

– Ты унизил меня и Джеймса. Зачем ты это делаешь?

– Ты драматизируешь. Тебе нужно меньше пить.

Грудь сдавило от обиды и злости. Но, к моему огромному ужасу, к этому дуэту присоединилась горечь, и моя нижняя губа начала предательски подрагивать.

– Иди спать, – отчеканил Алекс.

– Я не хочу спать! – неожиданно для самой себя на весь холл заорала я и яростно откинула босоножки в сторону. В наступившей тишине глухой стук удара о твёрдый мрамор был оглушительным. – Прекрати так себя вести! – Мой голос сорвался.

Его глаза недобро сверкнули.

– Задай правильный вопрос.

Я недоуменно смотрела на него, осмысливая последнюю реплику.

– Почему? – неуверенно выдавила я.

Губы Алекса растянулись в неприятной улыбке.

– Прекрати проверять границы моего терпения, Вивиан. Поверь, они не так обширны, как ты думаешь. Пока ты держишь меня за идиота, – его взгляд на мгновение опустился на мою раненую губу, – и ошиваешься с тем, с кем не положено, ты будешь получать в ответ. Тебе стоит усвоить, что моя сестра, пускай и сводная, не будет иметь никаких отношений с бывшим наркоманом и, тем более, не будет трахаться с первым попавшимся кретином в клубе. Ты собиралась ему дать? Не сказать, что я удивлён, ты всегда была неразборчива.

– Я ненавижу тебя, – прошептала я дрожащим голосом.

– От тебя многого не требуется. Не расстраивай меня своими необдуманными поступками, и я не буду бить в ответ. Твою ненависть я переживу. А теперь иди спать.

Экран его телефона снова заморгал и он, отвернувшись от меня, пошёл в сторону гостиной, на ходу принимая вызов.

– Рассказывай, – бросил он в трубку и скрылся за массивными резными дверями с золотым узором.

Оказавшись в своей комнате, я упала на кровать и, уткнувшись в подушку, дала волю слезам. Этот снисходительный голос, подпитанный презрением, продолжал, как заезженная пластинка, крутиться в моей голове. Это ужасное сочетание ненависти и необъяснимого притяжения к нему сводили меня с ума. Я могла прекратить всё за минуту. Один звонок, и мне больше не придётся терпеть эти упрёки и унижения. Но так я покажу свою слабость. А я не слабая. Я со всей силы ударила кулаком по шёлковому покрывалу цвета его грёбанных глаз.

– Я не слабая!

Схватив безвинную подушку, я обрушила на неё шквал мощных безжалостных ударов. Я молотила её, как боец, желающий любой ценой вырвать победу у более сильного противника в последнем раунде ожесточённой схватки.

Когда силы иссякли, а в котле гнева градус бурления снизился на пару делений, я упала на кровать и прикрыла глаза. Рядом с ним я всегда проигрывала.

Телефон известил о входящем сообщении:

«Жду тебя завтра в 19.00 на нашем месте. Джеймс».

Глава 4.

Сегодня мой первый рабочий день. Всё воскресенье прошло в какой-то необъяснимой для меня прострации. Я не съездила в студию танца и бесполезно провалялась у телевизора, запихивая в себя всё, что смогла найти в холодильнике. Особенно меня впечатлили заварные пирожные с фисташковым кремом. Отныне официально они мои любимые.

С Джеймсом я не встретилась. Его поведение не поддавалось абсолютно никакой логике, и поскольку слушать его очередную ложь желания у меня не возникало, я поставила телефон на беззвучный режим и тихо злорадствовала, когда получала его очередной звонок.

Касательно Алекса всё было гораздо сложнее. Вчера вечером мне пришло сообщение, где он без каких-либо приветствий поставил меня в известность, что будет ждать внизу в восемь пятнадцать. Меня совсем не прельщала идея провести с ним даже минуту в маленьком пространстве автомобиля, а учитывая, что из-за утренних пробок эта минута грозила вылиться в целый час, я нервничала ещё больше.

Все грязные несправедливые слова, сказанные им в мой адрес после дня рождения Энди, не были забыты. Мне пришлось очень хорошо поработать над собой, чтобы за вчерашним совместным завтраком, где он не удостоил меня даже взглядом, не воткнуть вилку в его отвратительно красивое лицо. Мне кусок в горло не лез, пока я смотрела, как он с ледяным спокойствием пил чёрный кофе и просматривал в планшете масштабные новости в мире финансовых воротил. Самые интересные из них он обсуждал с Ричардом, наотрез отказываясь признавать моё присутствие за столом, заставленным всевозможными изысканными блюдами. Еды было столько, будто на завтрак планировался съезд всех самых важных шишек Нью-Йорка.

В целом, он откровенно бесил меня. От одного его заносчивого тона я моментально заводилась, чувствуя себя психованной истеричкой. Но, если принять во внимание его возможности и влияние на мою жизнь, злить и выводить его из себя было бы очень недальновидно с моей стороны. Поэтому натянув на лицо самую очаровательную улыбку из моего личного обезоруживающего арсенала, я спустилась вниз.

Он стоял в холле, подперев плечом декоративную колонну возле входной двери, и что-то быстро печатал в телефоне. Проехав по нему изучающим взглядом, я невольно слотнула подступившую слюну. Алекс в костюме – воплощение всех сексуальных женских фантазий в одном очень дорогом флаконе. Внутренняя стерва похабно облизала губы и, развалившись в кресле, принялась транслировать свой персональный фильм, подкидывая мне самые ошеломительные кадры.

Все обиды бесследно растворились в воздухе, когда я в самом первом ряду, увидела жаркую, запланированную маленьким режиссёром эротическую сцену. До умопомрачения сексуальный мужчина в чёрном костюме прижал девушку к колонне и, задрав ей до талии юбку, хлётко шлёпнул по ягодице, оставляя выжженный отпечаток на белой коже. Ласково погладив место удара, он расстегнул ширинку и, отодвинув трусики в сторону, одним резким движением вошёл в податливое изнывающее от желания тело. Он грубо намотал её длинный хвост себе на руку, и она, сильнее прогнувшись в пояснице, издавала громкие стоны в такт его особо сильным толчкам.

От увиденной картины я нехило разволновалась. Всё тело охватил предательский жар, поползли мурашки, а вспотевшие ладони хотелось незаметно вытереть о мою строгую до колена чёрную юбку. На лбу выступила испарина, и я неловко помахала рукой, вызывая лёгкий ветерок, приятно охлаждающий мою разгорячённую кожу. Какого чёрта кретинизм вырвался вперёд, и я превратилась в безмозглую идиотку, напичканную афродизиаками?

Алекс совсем не спасал ситуацию. Оторвавшись от телефона, он пристально осмотрел меня и, заметив моё странное состояние и пылающие щёки, недоуменно выгнул бровь.

– Волнуюсь перед первым рабочим днём, – пояснила я. Не скажу же, что благодаря ему, я только что мысленно получила ошеломительный оргазм. Интересно посмотреть, как бы изменилось это надменное лицо, узнай он правду.

Ироничная усмешка скривила его идеально вылепленные губы.

– Иди за мной, – отдал приказ бесспорный фаворит моих порносцен и, оттолкнувшись от колонны, на которую я не решалась даже смотреть, пошёл в сторону выхода.

Под знойными лучами июльского солнца я сделала глубокий вдох, чтобы утомирить чересчур раскачавшийся пульс. Кажется, мне придётся купить успокоительные, потому что рядом с ним я с трудом держала себя в руках, и все мои благие намерения летели к чёрту, когда в моей голове вспыхивали очередные влажные фантазии с его участием. Я понимала, что это всего лишь физиология. Он, бесспорно, красив, и только полная дура не захочет с ним переспать. Но Алекс скорее воткнёт свой любимый нож себе в лоб, чем пустит меня в свою постель.

Сделав пару шагов под цокот каблучков о твёрдые каменные плиты, я резко остановилась и широко распахнутыми глазами уставилась на один из самых крутых гиперкаров планеты. Bugatti Chiron, припаркованный возле крыльца, сверкал начищенной до блеска глянцевой поверхностью. Чёрный обтекаемый корпус выглядел агрессивно и будто бросал вызов моргающими в знак приветствия светодиодными фонарями.

– Скажи мне, что мы поедem на нем, – простонала я, пребывая в настоящем восторге от гениального спортивного творения.

Честно говоря, я совсем не разбиралась в машинах. Но раньше у меня был Ford Mustang, который я выпросила у Ричарда на своё семнадцатилетие. Он не смог мне отказать и, вскоре, сильно пожалел об этом, потому что дерево, в которое я влетела, находясь под воздействием чудодейственных препаратов, было вполне реальным. Отчим быстро замял этот инцидент и, не знаю, каким чудом, я осталась жива, но отделалась я лёгким сотрясением, небольшим выговором и новой, правда, менее резвой тачкой.

Помню, Алекс был очень недоволен отсутствием любых негативных для меня последствий и сильно разругался с отцом. В тот день они целый час провели за закрытыми дверями кабинета, после чего Алекс вышел мрачнее тучи, собрал свои вещи и переехал в новую квартиру. На моей памяти это была самая крупная их ссора. Он тогда надолго пропал с моих радаров и несколько месяцев не появлялся дома.

Шикарное спортивное купе внутри напоминало настоящее произведение искусства. Салон из кожи максимально высокого качества в чёрно-синей цветовой гамме, удобные кресла и отсутствие лишних элементов, фантастически соединили в себе минималистичность и роскошь престижных машин. Я пристегнулась и ощутимо вздрогнула от громкого рёва мощного двигателя. По территории поместья Алекс не спешил разгоняться, но стоило нам только выехать на трассу, как у меня буквально потемнело в глазах от того, с какой скоростью этот монстр принялся пожирать дорожное полотно. Кажется, прошла секунда, а на спидометре уже гордо светила сотка.

– Какая максимальная скорость? – поинтересовалась я.

Алекс нехотя бросил взгляд в мою сторону.

– Двести тридцать восемь миль в час, но если вставить второй ключ, то можно добить до двухсот шестидесяти.

– Пр продемонстрируешь? – спросила я, уже находясь в волнительном предвкушении от предстоящего всплеска адреналина.

– На максималках я развлекаюсь на гоночном треке, – осадил он меня. По его небрежной интонации стало понятно, что приглашение мне туда не получить. – По трассе выше ста девяноста не пробовал.

– Дашь прокатиться? – Вопрос был риторическим, и я заранее знала, какой последует ответ.

– Нет.

Ясно. Разговор окончен.

Прислонив голову к прохладному стеклу, я прикрыла глаза и наслаждалась теплом лучей, пробивающихся сквозь быстро мелькающие деревья. От особенно резких вспышек я по-детски морщила нос и ругала себя, что забыла взять с собой очки. Звук мотора успокаивал, а в воздухе витал стойкий запах владельца. Терпкий мускусный аромат пропитал каждую молекулу свободного пространства и забился в нос, вызывая беспричинное желание придвинуться ближе к его источнику.

Я стала невольно бросать короткие взгляды в его сторону. Я думала, он будет лихачить и демонстрировать всю крутизну своей дорогой игрушки, но брат лишь расслабленно сидел в кресле, легко удерживая руль одной рукой, и в отличие от меня не испытывал никакого дискомфорта от нашего затянувшегося с ним молчания. Не барабанил пальцами по рулю, не прикусывал щёку или губу, не суетился и не сомневался. Он излучал стопроцентную уверенность, и я была убеждена, что внутри у него тоже полный штиль.

В салоне не играла даже музыка, и когда тишина меня порядком задолбала, я осмелилась задать вопрос, который уже два дня беспрерывно крутился в моей голове:

– Итан звонил тебе?

Алекс, не отрываясь от дороги, сухо улыбнулся.

– Волнуешься?

– Не хочу бессмысленных драк.

– Я рад, что ты понимаешь глупость своего поступка. Впредь старайся меньше пить. И нет, он не звонил.

– Ты умеешь нормально разговаривать? – сразу ощерилась я. – Твоё высокомерие порядком надоедает.

– Нормально это как?

– Это без твоих нравоучений, упрёков и приказов. Снисходительный тон тоже бесит.

– Я обязательно учту все твои пожелания. – Снова этот невозмутимый, раздражающий до оскомины на зубах голос.

– И тебе стоило бы извиниться за свои слова, – не отступала я.

– Извини, – легко бросил он, будто случайно наступил мне на ногу. Прозвучало издевательски и совсем неискренне.

– Ты не умеешь извиняться, – сквозь плотно сжатые зубы язвительно процедила я.

– Нет опыта. Я редко бываю неправ.

От злости я крепко вцепилась в ремень безопасности и уже открыла рот, чтобы вылить на него поток обвинительных фраз, как он внезапно повернулся ко мне и буквально за секунду нейтрализовал весь мой негативный настрой своей широкой искренней улыбкой. От неожиданности я чуть не поперхнулась воздухом и беспомощно смотрела на него, пока он с нескрываемым триумфом в глазах наслаждался моей растерянностью.

Моё сердце дало сбой. Красная мышца замедлилась, а затем принялась качать кровь в удвоенном, нет, в утроенном ритме. Каждый волосок на теле наэлектризовался от напряжения, а в груди возникло давящее неприятное чувство, словно... словно это что-то значило для меня. Нечто большее, в чём я никогда не смогу признаться.

Тряхнув головой, я скинула розовое марево, ещё раз напомнив себе, почему между нами ничего не может быть. Разозлившись сама на себя, я демонстративно отвернулась к окну,

решив до конца пути больше не заводить никаких разговоров, заканчивающихся каждый раз мой полным провалом.

На горизонте засверкали небоскрёбы Манхэттена. Царапая верхушками небо, стеклянные вертикали величественных строений уходили в невидимую высоту и поражали своей архитектурной концепцией. Для многих компаний – это вопрос престижа: продемонстрировать собственное превосходство и показать, насколько высоки человеческие амбиции.

Неудивительно, что один из них полностью принадлежал корпорации. Ричарду всегда нравилось безграничное чувство власти, и вид целого города у его ног был лишь каплей в море среди тех вещей, что безостановочно тешили его немалых размеров эго. Поговаривали, что он из какого-то богатого древнего рода, но, прожив с ним столько лет, я ничего не знала о его родителях. Мне было известно лишь то, что они умерли. На этом информация обрывалась. Ричард не любил откровенничать, и мои настойчивые попытки выведать семейные тайны очень быстро прекратились.

Оставив машину на подземной парковке, мы зашли в лифт, где Алекс нажал девяносто восьмой этаж. В тесной быстроходной кабине ко мне в голову поползли первые сомнения. Справлюсь ли я с работой? Вольюсь ли я в коллектив? А моё прошлое? И куча-куча терзающих душу вопросов, на которые у меня не было ответа. Мне сейчас очень не помешала бы поддержка брата, но на сегодня лимит его доброты был исчерпан, и он словно каменное извращение стоял в шаге от меня, совершенно не замечая моих внутренних метаний.

«Значит, справлюсь сама», – решила я, и когда створки лифта бесшумно разъехались в стороны, я, гордо задрав подбородок, вышла вслед за ним в просторный холл.

– Доброе утро, мистер Миллер. – Из-за стола поднялась довольно презентабельного вида брюнетка.

– Доброе. У себя? – даже не замедляя шаг, на ходу спросил Алекс.

– Уже как час, – последовал вдогонку мгновенный ответ.

На матовой стеклянной двери висела табличка с надписью: «Директор отдела маркетинга Майкл Эванс», и Алекс, толкнув её, пропустил меня вперёд.

Светлый просторный кабинет пестрел картинами с непонятными абстракциями. По моему мнению, на них была нарисована полнейшая чепуха, но на каждой из них в большей или меньшей степени присутствовал оранжевый цвет. А на каком-то из уроков нам говорили, что оранжевый – это цвет, стимулирующий творческий потенциал, и я мысленно похвалила себя за отличную память.

Выложенные в идеальный ряд оранжевые карандаши на огромном прямоугольном столе наводили на определённые мысли касательно их владельца, а потрясающий вид на Центральный парк из панорамного окна быстро потерял мой интерес на фоне развалившегося в кресле Майкла Эванса.

Коротко стриженный брюнет сидел к нам вполоборота и, закинув ногу на ногу, внимательно слушал то, что говорил ему в телефон собеседник. На нём была белая рубашка в чёрную клетку и чёрные зауженные книзу брюки, а в его левом ухе при каждом малейшем движении покачивались две маленькие серёжки. Нахмуренное выражение лица свидетельствовало о том, что разговор был малоприятным, и он нервно постукивал кончиками пальцев по столу, будто спешил поскорее закончить раздражающий его диалог.

– Ты это серьёзно? – обманчиво спокойно спросил он. – Думаешь, я поверю в эту чушь? Если я говорю, что макет должен быть готов сегодня, это значит, что я жду его вчера. – В голосе появилась сталь. – Ты отнимаешь моё время, Колман, и пока ты, как кисейная барышня, мямлишь мне в трубку, я теряю деньги, которые, к слову, очень люблю.

На том конце телефона ему принялись что-то очень громко доказывать, но Майкл, очевидно, не отличался терпением и, перебив собеседника на полуслове, в ультимативной форме заявил:

– Если через час его не будет на моей почте, считай, ты потерял моё расположение. Думаю, последствия тебе известны. – И, отключив вызов, недовольно бросил гаджет на стол.

– И что же такого произошло на Олимпе, что ты решил спуститься и одарить простых смертных своим вниманием? Признаюсь, взволнован, – развернувшись к нам полностью, совсем не взволнованно обратился он к Миллеру.

– Привет, Майкл, – улыбнулся Алекс, присаживаясь в кресло и указывая мне взглядом сесть напротив. – Проблемы?

– Ерунда, – отмахнулся он и переключил всё внимание на меня.

– Что за принцесса? – Он пристально осмотрел меня с головы до ног.

– Моя сестра Вивиан.

– Вивиан, – задумчиво проговорил он. – Не знал, что у тебя есть сестра.

– Сводная, – пояснил брат.

– Теперь понятно, почему вы совсем не похожи. Она выглядит красивее, чем ты.

Алекс весело ухмыльнулся.

– Да неужели?

– Стопроцентная инфа. И так. В чём задача? – уже серьёзно спросил Эванс.

– Ты сейчас занимаешься рекламой сети аптек, Вивиан займётся дизайном интерьера, поэтому договорись, чтобы никого не брали со стороны. Пока она будет числиться в твоём отделе. Дальше будет видно. Вопросы есть? Вопросов нет. Я пошёл, у меня совещание. – Алекс поднялся с кресла.

– И да, кстати. – Остановился он возле двери. – Ты снова забыл про дресс-код?

– Я не могу творить в скучном костюме, – картинно вздохнул Эванс.

– Ты подаёшь плохой пример команде. Я тебя уволю.

– Ты говоришь это каждый месяц.

– Я в активном поиске достойной замены.

– Мы оба знаем, что её нет.

Алекс на это лишь тихо рассмеялся и под мой очень удивлённый взгляд вышел из кабинета. Значит, всё-таки существует тот, кто способен выдержать словесный поединок с моим братом. И этот человек – мой новоиспечённый руководитель, на первый взгляд, вызывающий у меня очень неоднозначное впечатление. Особенно нервировали как под копирку выструганные карандаши редкого для офиса цвета.

Я отличалась некоторой сообразительностью, поэтому почти сразу поняла, что Майкл Эванс говорил только по существу и очень не любил, когда ему задавали вопросы. Вследствие чего, я предпочла заткнуться и молча слушать про свои будущие обязанности.

Если вкратце, это будут первые аптеки корпорации. Примера никакого нет. Всё нужно будет придумать с нуля, провести анализ конкурентов и сделать лучше. Майкл сразу обозначил, что моя единственная задача – всегда делать лучше, чем у других.

– Каждый в моей команде работает на результат, и если я его не вижу, то ты не работаешь. Я не буду искать причин твоих неудач. Меня не интересуют пробки, здоровье, дети и всё то, что создаёт проблемы тебе, а значит и мне. Избавь меня от подробностей своей личной жизни, превзойди саму себя, и мы сработаемся. Думаю, озвучивать то, что меня абсолютно не волнует чья ты сестра, дочь и далее по списку, мне не нужно.

– Я всё поняла, – хрипло проговорила я, окончательно убедившись в своих опасениях.

Теперь понятно, почему Алекс так спокойно согласился с принятым отцом решением устроить меня в отдел маркетинга. Кажется, понятие лояльности Майклу Эвансу совсем не знакомо, и Миллер будет только рад, если он на мне оторвётся по полной, а ещё лучше, уволит. Что ж, детей у меня, к счастью, нет. Осталось только не застрять в пробке и превзойти саму себя. Пустяки.

Он дал мне несколько адресов, чтобы я съездила и лично посмотрела объекты, с которыми мне предстоит работать. Официально представив меня коллегам, он не упомянул о моей родственной связи с руководством, за что я была ему очень признательна. Я не планировала скрывать, кем я на самом деле являюсь, но и трепать об этом на каждом углу не считала разумным.

Я носила фамилию матери, потому что своего отца я не знала. Это была случайная связь. Двадцать лет, бар, привлекательный незнакомец и одна единственная ночь в потрёпанном отеле. В моём свидетельстве о рождении стоял прочерк, и у меня ни разу не возникло желание найти владельца сперматозоида, благодаря которому появилась я. Почему при заключении брака мама не взяла фамилию Ричарда, я не знала. Может, чувствовала, каким окажется финал?

Слабо верилось. Она любила его до последнего вздоха.

После её смерти Ричард стал моим опекуном. Он планировал меня удочерить, но, пожалуй, самое лучшее, что могло со мной произойти, это то, что он передумал. Он всегда говорил, что мы одна семья. Но я не уверена, что он в полной мере понимал значение этого слова.

После знакомства мы снова вернулись к Майклу в кабинет, чтобы подписать кое-какие бумаги. Я не успевала читать и лишь быстро ставила подпись, пока он со скоростью реактора переворачивал страницы. Оба его мобильных разрывались от бесконечных звонков, а когда к ним добавился ещё и стационарный, он с психу наорал на секретаршу. Та, видимо, привыкшая к такому роду поведения, спокойно отвечала ему в трубку, после чего он экстренно собрался и уехал.

Функции показать мне рабочее место, а также провести небольшую экскурсию по этажу легли на плечи Эвана Мура.

Эван. Он, несомненно, смог бы составить конкуренцию мировым моделям престижных домов моды. Идеальные пропорции лица, подтянутое тело и дразнящая улыбка на чувственных губах, сбивающая с ног любую особь женского пола. Я не смогла с ходу определить его возраст, но он казался приблизительно моим ровесником.

– Здесь все такие молодые, – подметила я, обратив внимание на двух девушек, стоящих у входа в конференц-зал. Они бросали томные взгляды в сторону Эвана и глупо хихикали.

– Как любит повторять наш многоуважаемый Майкл: «Корпорации нужны молодые умы и новые взгляды, а не идеи, сравнимые с поношенными трусами моей прабабки», – очень правдоподобно спародировал его Мур.

– А в этом что-то есть, – развеселившись, хмыкнула я.

– Возраст – это всего лишь цифра, – пожал он плечами. – Не нужно быть взрослым, чтобы быть богатым, и я являюсь живым тому доказательством. Красивый, молодой, успешный и один из лучших пиар-агентов этого города, – с чувством рекламировал он сам себя.

– А скромности тебе не занимать, – покачала я головой, сразу мысленно соглашаясь с первыми двумя пунктами.

– Детка, – весело усмехнулся он. – Пиар и скромность – понятия несовместимые.

Он провёл мне экскурсию по этажу, показал моё рабочее место и конференц-зал, в котором раз в неделю у них проходят совещания и на которых, как он выразился, Майкл орёт дурниной.

– Он хороший человек и прекрасный руководитель, но он перфекционист до мозга костей и требует того же от подчинённых, – рассказывал Эван, пока мы спускались на первый этаж, чтобы выпить кофе.

– Идеальное – не всегда есть лучшее, – проговорила я, задумчиво покусывая внутреннюю сторону щеки.

– Ты права. Только не стоит это говорить ему.

В кафе на первом этаже вовсю кипела жизнь. Здесь было довольно много народа и от обилия белых блузок и пиджаков рябило в глазах. Бесперывный звон телефонов, громкие разговоры и чей-то смех смешались в резонирующую какофонию звуков. Я не видела ни одного свободного места и уже думала, что придётся пить кофе наверху, но, когда мы оплатили заказ, Мур каким-то чудом выхватил нам небольшой двухместный столик возле окна.

– Знаешь, – сказал Эван, неторопливо размешивая сахар в чашке. Причём он забрал и мою порцию, заявив, что для его головного мозга это полезно, а для моей задницы нет. – Я удивлён, что Майкл взял тебя на работу.

– Почему?

– Он не любит работать с женщинами, – прямо заявил Эван, чем вызвал у меня полнейшее недоумение. – Ты не подумай, он не сексист. Просто считает, что с мужчинами работать легче. У них нет месячных.

– Поразительная наблюдательность.

– Давай, начистоту, – сказал он. – Я тебя не знаю, поэтому не ставлю под сомнение твои профессиональные навыки. Но, думаю, за тебя попросили. И сделал это тот, кому Майклу сложно отказать. – Эван очень красноречиво посмотрел мне прямо в глаза.

А вот теперь без шуток. Поразительная наблюдательность и излишняя прямолинейность, прикрытая лёгким намёком чисто ради приличия.

– Эван, – не стусевалась я, делая медленный глоток прекрасно приготовленного капучино. – Ты слишком любопытен.

– Быть любопытным – моя работа. Но ты можешь расслабиться, я не собираюсь ни с кем делиться своими стопроцентно верными выводами. Ни к чему нам портить отношения, вдруг я решу пригласить тебя на пару-тройку свиданий. Люблю рыжих. – Он мечтательно облизнулся, а затем его полные губы расплзлись в многообещающей улыбке, демонстрируя идеально ровный ряд белоснежных зубов.

У Эвана Мура, вне сомнений, стоит поучиться урокам соблазнения. Неудивительно, что за наше совместное времяпровождение каждая вторая сворачивала шею ему вслед. Даже сейчас, через пару столиков от нас, привлекательная блондинка кокетливо стреляла глазами в нашу сторону, и вряд ли эти заигрывания предназначались мне.

– Самоуверенно, – протянула я, лениво наматывая на палец выбившуюся из хвоста прядь волос. – Я бы даже сказала: возбуждающе, – понизив голос, я демонстративно медленно оближала нижнюю губу, слизывая капли кофейной пены. Он невольно проследил за движением моего языка, и в его глазах загорелся вызов. – Но, Эван. – Я вернула голосу свою обычную интонацию. – Подобные трюки на меня не действуют. Тебе придётся повысить свои способности на пару уровней, чтобы достичь нужного эффекта.

– Ты меня уделала, – нисколько не смутившись, рассмеялся он. – Я обязательно попробую. Ради тебя.

Ему совсем не стоит знать, что настоящая причина моей выдержки лишь в том, что в моей больной голове совсем незаслуженно уже сидел один недостижимый мужчина, на фоне которого все и всегда оказывались в заранее проигрышной позиции. Но, Эван действительно был очень привлекателен, и если бы не совместная работа, я бы не отказала себе в шалости провести время с красивым пиар-агентом.

Всего в отделе оказалось десять человек. Я одиннадцатая. Из них восемь парней, что подтверждало теорию Мура касательно Майкла, и две девушки: Меган и Нэнси. По наблюдениям вездесущего Эвана, Нэнси была безответно влюблена в Алекса, но, поскольку он невозможен для неё, как прогулка на Луне, то она чуть ли не вынужденно встречается с Чейзом из ИТ-отдела. Вот это драма. Для меня совсем не стало неожиданностью то, что кто-то тайно вздыхал по моему брату. Александр Миллер шагал по этой планете с таким лицом, словно ему принадлежал весь этот грёбаный мир.

– Слухи здесь быстро распространяются. Поэтому её тайные вздохи быстро перестали быть тайными, и она заняла своё почётное место в личном чёрном списке Энджел, – резюмировал Эван.

– Кто такая Энджел?

– Она его секретарь. Можно сказать, правая рука. Красивая, зараза, но редкостная сука. Любит его уже несколько лет.

Мои брови удивлённо поползли вверх. Это кто ещё такая?

– С чего ты взял?

– Ей поступали предложения гораздо престижней нынешней её должности, но она отказывается. Любой, кто носит лифчик, без предварительной записи маловероятно сможет к нему попасть. Энджел, как цербер, всех отгоняет, – саркастично закончил он.

– Настоящий квест, – насмешливо протянула я, думая о том, что эта Энджел мне заранее не нравится.

– Ладно. – Эван поднялся из-за стола. – На сегодня всё. Майкл разрешил тебя отпустить. Начнёшь завтра. Зная его, к вечеру попросит показать предварительный проект, поэтому включайся скорее.

Попрощавшись с Эваном, я поехала в танцевальную студию. Хорошие отзывы, прекрасный рейтинг и шаговая доступность к офису, что существенно сокращало количество времени для передвижения по вечно бурлящему жизнью Манхэттену. Это было небольшое здание на Первой авеню, где на первом этаже висела яркая вывеска с заурядным названием: Time Dance. Меня встретила приятный администратор и очень вежливо рассказала о всех направлениях танца. В принципе, меня интересовало только одно. Взяв расписание и оплатив первый месяц занятий, я решила, что буду ходить по вторникам и четвергам после работы.

Сев в такси, я достала телефон из сумки и набрала Трис.

– Ну, как первый рабочий день, великий дизайнер Манхэттена? – пропела она в трубку.

– Почему же только Манхэттена? Я претендую на всю страну.

– Мисс Браун, ваша самооценка на уровне выше среднего.

– Так и есть.

– Шутки в сторону. Как всё прошло? – на полном серьёзе спросила она.

– Честно, даже лучше, чем я ожидала! Мой руководитель Майкл – очень интересный экземпляр, скучно с ним точно не будет. У него было мало времени, поэтому всё мне показывал Эван Мур.

– Оооо, – хихикнула она в трубку. – В этого красавчика я была тайно влюблена целый год, но потом встретила Нейта и отпустило. Он жуткий бабник. Смотри, чтобы не залез к тебе в трусы.

– Не беспокойся, мои трусы надёжно охраняются, – шутливо заверила я подругу.

– Когда будет назначение Алекса на пост президента? Нам уже нужно выбирать себе платья?

– Пока не знаю, Ричард улетает сегодня на неопределённый срок в Японию, теперь только по его возвращению.

– Понятно. – В трубке раздалось какое-то шуршание, а потом она тихо сказала: – Нейт сообщил, что у Джеймса огромный фингал под глазом. Алекс приложил его не слабо.

Я удивлённо захлопала глазами.

– С чего ты взяла?

– Джеймс приходил к нему в офис, когда Нейт был там. Они долго разговаривали на повышенных тонах, а затем он вышел с новым лицом. Уже столько лет прошло, а отношения лучше не стали.

– Даже не знаю, сочувствовать ему или нет. Он ведёт себя странно.

– Он сам не свой, как ты вернулась. Не одна я заметила, – тихо проговорила Трис. – Мне его даже немного жаль.

Я фыркнула.

– Охренеть. Нашла кого жалеть, как сыр в масле с пелёнок катается.

– Мне кажется, он просто разрывается между своими чувствами к Хлое и воспоминаниями о тебе. А ещё, я думаю, он скучает по дружбе с Алексом. Он иногда так смотрит на него... с тоской.

Господи, дай мне сил.

– Что за сентиментальный бред, Беатрис? Ты переработала. Выйди и подыши свежим воздухом, я беспокоюсь.

– Ты льдина, Вивиан. Большая холодная льдина, – не всерьёз злилась она.

– Как Нейт? – Я решила сменить тему, пока Трис не выдала очередное слезливое предположение.

– Вчера вечером вернулся его отец, и теперь он ходит мрачнее самой мрачной тучи.

– Сложные отношения?

– Не то слово. Он не любит делиться, но я всё вижу. Расскажу при встрече.

– Договорились.

Закончив разговор с подругой, я снова вернулась мыслями к бывшему.

На самом деле, как бы я не хорохорилась, в глубине души её слова меня тронули. Я чувствовала вину за прекращение их многолетней дружбы. Станным было то, что все вокруг надеялись на их примирение. Кажется, даже сам Уильямс. Выходит, они совсем не знали моего брата. Алекс не даёт вторых шансов и не умеет прощать. Если ты его разочаровал, его расположение не вернуть. И я – самое неопровержимое тому доказательство.

Поразмыслив, я все же разблокировала телефон и нашла контакт Джеймса.

«Привет. Давай завтра пообедаем в том итальянском ресторанчике, куда ты водил меня после выпускного?».

Звон столовых приборов и приглушенные голоса гостей звучали глухим фоном, пока я сосредоточенно старалась перенести свои идеи в специальную программу по графическому дизайну. Запах свежей выпечки, кофе и пряных специй витал в воздухе и вызывал непроизвольные голодные спазмы в районе желудка.

Сегодня утром я быстро расправилась с осмотром нескольких помещений и в голове уже составила приблизительный план действий на пару недель вперёд. Так как мы должны выделиться, я не хотела использовать белую цветовую гамму. Это было достаточно прозаично и наводило на мысли о больничных палатах. Хотелось добавить тёплого, живого.

Возможно, кто-то думает, что аптеке не нужна позитивная атмосфера. Главное, чтобы человек купил лекарства. Но в условиях огромной конкуренции привлечь посетителя одним достойным ассортиментом недостаточно. Нужно, чтобы людям захотелось вернуться, и именно поэтому имидж сети стоит формировать, начиная с эстетичного интерьера.

Перебрав в голове всю цветовую палитру, я остановилась на двух цветах, мысленно представляя их сочетание. Зелёный и коричневый. Скорее, даже цвет топлёного молочного шоколада. По моему мнению – смелое сочетание. А смелость – это именно то, что ценит Майкл. По крайней мере, я очень на это надеялась.

– Привет, – поток моих маркетинговых идей прервал хриплый, будто простуженный голос Джеймса. Он сел напротив меня, и я автоматически уставилась на огромный, насыщенный лилового оттенка фингал под его правым глазом.

– Привет, – негромко произнесла я, подмечая его бледный цвет лица и тусклый взгляд. – У тебя всё нормально? – Мой голос искренне сквозил беспокойством. Все его идиотские

поступки ушли на второй план, стоило мне заметить его нездоровый, даже, можно сказать, болезненный вид.

– Всё хорошо, – спокойно ответил он, беря в руки меню. – Как насчёт пасты с морепродуктами? Ты её очень любила.

Я согласно кивнула, и Джеймс подал знак официанту. Сделав заказ, он быстро переговорил с отцом по телефону и, выпив стакан воды, полностью обратил всё своё внимание на меня.

– Выглядишь дерьмого, Джей, – сказала я, пристально рассматривая тёмные круги под глазами.

– Твой брат совсем двинулся. Параноидальные мысли сведут его с ума.

Мне совсем не понравилось то, каким пренебрежительным тоном он говорил об Алексе.

– Мой брат не самый приятный человек, но не думаю, что он страдает подобными расстройствами.

– Ну, конечно же, – безрадостно усмехнулся Джеймс, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди. – Когда ты уже глаза разуешь? Тебе было мало года в клинике? Его месть изрядно затянулась.

Я удивилась, что он знал про клинику. Но наши семьи были очень близки тогда. А Алекс превратил тот день в серию фильмов ужасов, по разным причинам отправив нас обоих на больничные койки.

– Никто не заставляет тебя иметь с ним хоть какие-то дела, – раздражалась я. – И вообще, с каких пор ты ходишь в костюме? Что с теннисом?

В своё время Джеймс отказался от семейного бизнеса в пользу ракетки. После одного громкого скандала с найденными в крови запрещёнными веществами, который его отец не без труда замял, он сильно изменился. У него уже тогда было много побед и целая полка блестящих кубков, но, чтобы прийти к своей цели и получить наивысшую награду в мире большого тенниса – «Большой Шлем», ему нужно было очень сильно постараться. В последний, проведённый рядом с ним год, он упорно тренировался и отказался от приёма любых вредных веществ.

Вопреки мнению Алекса, Джеймс никогда не был законченным наркоманом. Его амбиции и огромное желание построить карьеру в мировом спорте превысили потребность ощутить эфемерное счастье от действия идеально выложенной белой дорожки. Но тем не менее, это совсем не мешало ему продолжать доставать мне кокаин и без зазрения совести трахать.

– Я был слишком молод. – На лице бывшего мелькнула эмоция, которую я не смогла распознать. – И считал, что теннис – единственное, чем я хочу заниматься. С годами всё изменилось.

Молодой официант в режущем глаза ярко-жёлтом фартуке подошёл к нашему столу с подносом, и пока он расставлял между нами тарелки, я дотошно сканировала Джеймса взглядом, будто хотела просветить его насквозь и увидеть выделенные красным его фальшивые слова. Было какое-то сосущее неприятное чувство, словно он не был со мной до конца откровенен.

– Ты больше не принимаешь? – неожиданно спросил он, когда мы остались одни.

Вилка с намотанными на зубчиках спагетти, так и зависла возле моего рта.

– Ты это серьёзно? – опешила я. – Конечно, нет.

Он с лёгкой улыбкой смотрел на меня.

– Подожди, а ты что, до сих пор? – повысила я голос, и сидящая за соседним столиком парочка повернулась в нашу сторону.

– Ничего серьёзного, – махнул он рукой. – Немного побаловался на выходных.

Значит, мне не показалось, и он действительно был в тот день под кайфом.

– Джеймс, ты, должно быть, шутишь? – Я отложила вилку в сторону, напрочь забыв про мучающий меня с самого утра голод. – Разве моя личная деградация – недостаточный для тебя пример?

– Не нужно нотаций. – Улыбка моментально слетела с его осунувшегося лица, а в глазах появилась твёрдость. – Я не наркоман.

Какие знакомые слова. Помнится, я утверждала то же самое, а потом захлёбывалась пеной от передоза.

– Это не нотации, Джей. – Я накрыла его руку своей, мягко поглаживая шероховатую кожу пальцев. – Я просто волнуюсь за тебя. Сама всё это проходила. Завязывать тяжело.

– Я знаю, – немного смягчился он. – Но тебе действительно не о чем переживать. Я больше не буду. Отходняк не стоит этого кайфа.

– Хорошо, – вздохнула я. Убрав от него руку, я вернулась к поеданию пасты с креветками и, распробовав, вынуждена была признать, что вкус у неё совсем не тот, что был пять лет назад. – О чём ты хотел поговорить?

– Я хотел извиниться, – тихо проговорил он. – Прости, я не должен был налетать на тебя и лезть сразу в трусы. Больше такое не повторится. Я буду рад, если ты сможешь забыть, каким я был придурком, и остаться друзьями.

– Конечно, не должен был.

Он виновато отвёл взгляд.

– Но! – Я выдержала драматическую паузу. – Мы столько лет знакомы, конечно, я не хочу терять тебя, как друга. Ты прощён.

Всё напряжение сошло на нет, стоило мне произнести эту фразу. Джеймс окончательно расслабился и принялся рассказывать самые весёлые истории, которые с ним приключились за все эти годы, что мы не виделись. Я давно так не смеялась. Он предложил мне встретиться снова, и я сразу согласилась, не видя никаких причин для отказа. Кроме одной. А то, что Алекс не узнает, ему не повредит.

В офис я приехала в отличном расположении духа и ещё часа два потратила на доработку чертежа. Подобрала примерные картинки цветовых решений и, не дожидаясь, пока меня вызовут, пошла к Майклу.

– Ты занят? – Заглянула я в приоткрытую дверь.

– Я всегда занят, принцесса, – пробубнил он, не отрываясь от монитора. —Заходи. Что у тебя? – спросил он, когда я приземлилась в кресло напротив.

Я изложила ему свой вариант видения и показала чертежи, подкрепив всё примерными картинками. Также, для сравнения, предоставила фото аптек наших основных конкурентов и привела сразу несколько аргументов в пользу моего выбора. Пока он слушал мои комментарии, его лицо оставалось абсолютно бесстрастным, и невозможно было понять нравится ему или нет предложенный мною план.

Майкл заставлял меня конкретно нервничать и невольно теребить края моей белой рубашки, пока он молчаливо взидал на мои многочасовые труды. Не хотелось верить, что это провал и все придётся начинать заново. Тишину разбавил звонок его мобильного, на который он нехотя перевёл взгляд.

– Через два дня жду законченные проекты по двум адресам, – сказал он мне, параллельно принимая вызов.

Это всё? Больше ничего не скажет?

Видимо, нет. Потому что он вопросительно поднял брови, намекая на то, почему я все ещё здесь. С плохо скрываемой радостью я быстро собрала все свои бумаги и предпочла скорее покинуть кабинет.

Спокойно выслушав Рика о том, что он не сможет меня отвезти домой, так как Ричард наградил его впечатляющим списком неотложных дел, и он просто физически не успеет до

меня добраться, я написала Алексу. До конца рабочего дня оставалось всего двадцать минут, и он вполне мог закончить сегодня вовремя. Ответ не приходил, и, прождав ещё несколько минут, я всё же решила подняться к нему в офис.

Сотый этаж сочетал в себе все оттенки белого и, сверкая стерильной чистотой, ассоциировался с залом ожидания в Рай. Панорамные окна в пол пропускали большое количество солнечного света и, вместе со светлыми стенами и мраморным полом, визуально увеличивали пространство. Справа от меня располагались два белых кожаных дивана, а между ними стеклянный стол, на котором стояла красивая резная ваза с пышным букетом из свежих цветов. До меня донёлся восхитительный аромат белых роз.

С противоположного конца помещения открылась дверь, которую я не сразу заметила, и в проёме появилась незнакомая мне девушка. Быстро перебирая высоченными шпильками, она прошла мимо меня, неся в руках большую коробку и, поставив её на стол, повернулась в мою сторону. Видимо, это и есть Энджел.

Её изучающий взгляд хищно-карих глаз, будто со встроенным рентгеном, проник под кожу и вызвал у меня чувство полного отторжения. Она напоминала мне ядовитую змею, бесшумно ползущую в траве и готовую в любой момент напасть и отравить своим смертельным ядом. Все мои инстинкты буквально вопили об опасности, пока мы мерили друг друга оценивающими взглядами.

Эван не соврал. Она действительно оказалась очень красива. Высокая, длинные густые волосы, выкрашенные в дорогой блонд, идеальный неброский макияж и точёная фигура, обтянутая закрытым белым платьем до колен. Я с грустью подумала о том, что рядом с Алексом она смотрелась бы идеально.

– Вам назначено? – без должного приветствия начала она, видимо, не увидев во мне важного посетителя.

Что за тупой вопрос? Конечно, она знает, что нет. На мой взгляд, даже разбудив её посреди ночи, она наизусть расскажет его расписание на месяц вперёд.

– Нет. Алекс у себя?

Её идеально уложенные брови удивлённо поползли вверх. Я мысленно ударила себя по лбу. Вряд ли к руководству компании здесь обращались просто по имени. Но исправляться уже было поздно. Я сказала, она услышала.

– Мистер Миллер принимает только по предварительной записи, – надменно произнесла она. – Ближайшее свободное окно, – она взяла планшет и наманикюренным пальцем неторопливо пролистывала его расписание, – на пятнадцатое августа.

Почти три недели. Она в своём уме?

– Сообщите ему, пожалуйста, что пришла Вивиан Браун, – попросила я спокойным тоном, уговаривая себя не вестись на провокацию. Не зря Эван предупреждал меня, что характер у неё дрянной.

Она скептически ещё раз осмотрела меня, но трубку подняла.

– Мистер Миллер, к вам Мисс Браун. – Её голос изменился. Язвительность и высокомерие будто наглухо зашторили тёплыми бархатными портьерами. Кажется, проницательный Эван и здесь не ошибся в своих выводах.

Выслушав ответ, она положила трубку и, еле сдерживая ухмылку, сказала:

– Как освободится, он вас примет. Можете подождать там. – И небрежно махнула рукой в сторону диванов.

Мне очень захотелось сказать ей какую-нибудь гадость, но сейчас было совсем не время завязывать конфликт. Алекс ни за что не примет мою сторону, и я буду выглядеть полнейшей дурой на фоне этой пустоголовой Барби. Я послушно села на диван, решив, что в любом случае, ему деваться некуда, и он вынужден будет меня принять. Но ничего не изменилось ни спустя пятнадцать минут, ни полчаса.

Пролистав на несколько раз новости в «Твиттер», я сыграла в игру на телефоне и по пятому кругу пересчитала количество роз в вазе. Осознав, что моё терпение на исходе, я подняла взгляд на Энджел. Она не смотрела на меня в ответ, но на её губах играла злорадная усмешка. Это стало последней каплей.

Возмущение подобно петарде взорвалось в моей голове, разрывая все мои с тщательностью выстроенные ментальные барьеры. Я сорвалась и решительно направилась к двери, на ходу отмечая, что блонди как ужаленная подпрыгнула и бросилась вслед за мной. Но было поздно.

Дверь была не закрыта и отлетела от стены с ужасным грохотом. Казалось, звук раздавшегося удара эхом пролетел всю сотню этажей. Алекс стоял лицом ко входу, прислонившись бедром к столу, и просматривал какие-то бумаги. На моё эффектное появление под аккомпанемент мощного аккорда он резко вскинул голову и уставился на нас.

– Какого хрена, Алекс, я должна сидеть и часами ждать тебя, чтобы задать один-единственный вопрос?! – заорала я.

У Энджел рядом со мной, казалось, сейчас случится инсульт от моей наглости.

– Мистер Миллер, – затараторила она. – Я не успела её остановить, прошу прощения, мы уже уходим. – И она больно схватила меня за локоть, чем взбесила меня ещё больше.

Я уже честно намеревалась преподать этой стерве урок, но Алекс резко захлопнул папку с документами, привлекая моё внимание.

– Энджел, оставь нас, – ледяной тон немного поумерил мой пыл.

Энджел, будто не верила в происходящее, и глупо хлопала своими длинными ресницами, как корова на лугу.

– Сейчас же, – резко сказал он и со звучным шлепком кинул папку на стол.

Поджав недовольно губы и отпустив мой локоть, она вышла, оставив нас наедине.

В кабинете воцарилась тишина. Алекс хмуро смотрел на меня из-под сдвинутых на переносице густых бровей.

– Что за спектакль? – Ровная интонация и никаких всплесков агрессии. Лишь голубые глаза, полыхающие откровенной злостью, выдавали его с головой.

– Спектакль? Здесь только одна белобрысая актриса, – огрызнулась я.

– Какого чёрта происходит? Ты не можешь врываться ко мне в кабинет, когда тебе вздумается и орать. Тем более, при моих подчинённых.

– Я и не стала бы этого делать, если бы ты ответил хоть на одно моё сообщение, – продолжала беситься я.

– Сбавь тон, я сказал! – Насквозь пронизывающий взгляд болезненно скрутил мои органы тугим узлом. Подчёркнутое равнодушие на скульптурном лице в купе с убийственным тоном заставили меня вынужденно сбавить обороты.

Поджав губы, я чуть ли не пыхла, испепеляя его взглядом. Снова приказы. Моя внутренняя стерва требовала отмщения. Она убрала двустволку и, достав лук со стрелами, по-охотничьи целилась в наиболее уязвимые места, радостно прогнозируя мучительную боль.

– Простите, что не отвечаю вашим требованиям, господин президент. – Я показательно присела в реверансе. – Не все, к сожалению, обладают присущим вам букетом достоинств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.